

Л. А. В Л А С О В

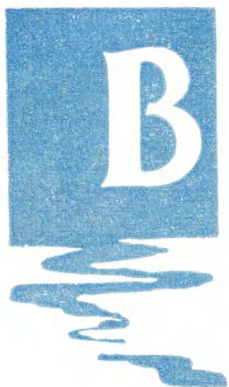
В отсеках
ТИШИНА

**Лев Александрович
В Л А С О В**

В О Е Н Н Ы Е М Е М У А Р Ы

М И Ч М А Н
Л.А.ВЛАСОВ

ОТСЕКАХ ТИШИНА

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СССР
МОСКВА • 1964

Пожалуй, нигде не бывает такой тишины, как на подводной лодке, когда она лежит на боевом курсе. В звенящем безмолвии слышны только клеткот винтов вражеских кораблей, дыхание стоящего рядом с тобой товарища да стук собственного сердца. В эти минуты, когда до предела обострены все чувства, особенно дорого прикосновение дружеского плеча и со всей полнотой раскрывается сила и красота настоящего коллектива.

Об этом и рассказывает в своих воспоминаниях мичман Лев Александрович Власов, который почти четверть века прослужил на подводных лодках. В годы Великой Отечественной войны он старшиной электриков участвовал во всех боевых походах Краснознаменной «С-104». Правдиво и просто бывалый подводник пишет о своих друзьях — матросах, старшинах и офицерах. Интересны его мысли о воспитании молодых моряков, о любви наших матросов к командирам и о том, как крепнет это чувство в моменты тяжелых испытаний.

ТРИ ПОРОСЕНКА

отдыхал на своем «штатном» месте — на теплой широкой спине правого гребного электромотора. Его монотонное гудение успокаивало и убаюкивало. В нашем шестом отсеке тепло и уютно. Вот почему спать на жестком округлом теле электродвигателя мне нравится куда больше, чем в мягкой сетчатой койке в четвертом старшинском отсеке. Там холодно, особенно когда лодка идет в надводном положении и через отсек летит морозный ветер к работающим дизелям. К тому же беспокойно очень: в тесном проходе между рядами коек без конца снуют люди и во время качки нет-нет да и заденет кто-нибудь тебя локтем по лицу.

Но дело не только в тепле и уюте, хотя, сами понимаете, это обстоятельство немаловажное в длительном походе. Главное, почему мне нравится отдыхать в своем отсеке, — это то, что здесь я все время на боевом посту, рядом с подчиненными, и в нужную минуту

могу вмешаться, помочь, поправить. А я, вообще, считаю, чем больше старшина находится со своими матросами, тем лучше.

Уже засыпая, услышал возглас вахтенного по отсеку Аркадия Комкова:

— Торпедная атака!

Вскакиваю на ноги. Сна как не бывало. Занимаю свое место у переговорной трубы. Матросы тоже занимают боевые посты, докладывают об их готовности. Выслушав всех, кричу в раструб переговорного устройства:

— В шестом стоят по местам!

Гудят и гудят могучие электромоторы, неторопливо вращая гребные винты. А мы дрожим от возбуждения. Сколько времени мы ждали этой минуты! Только бы не сорвалась атака! Поспешно делаем все, что положено по боевой тревоге. Наглухо задраиваем переборочные двери, проверяем аварийный инструмент, ручной аккумуляторный фонарик, включаем переносную электролампу и подвешиваем к потолку — подволоку, чтобы она свободно висела на своем кабеле. Мы уже знаем: это надежно, лампочка не лопнет теперь при близком взрыве. Правда, все светильники на лодке установлены на специальных амортизаторах, но это мало помогает, и во время бомбежек лампочки все равно лопаются. На случай беды завертываю мегомметр (мы его зовем меггером) и переносный трехвольтный вольтметр в полушубок и укладываю в укромный уголок — между электромотором и бортом. Эти приборы, особенно меггер, постоянно нужны нам, и остаться без них — перспектива не из приятных. Приборы надо сберечь обязательно. У нас уже как-то было: во время авиационной бомбежки вольтметр вылетел из своего гнезда, упал в трюм и разбился. Ох, как мы без него помучились!

Мы наглухо замурованы в своем отсеке. Толстые стальные переборки отделяют нас от других моряков экипажа. Мы не видим лиц товарищей, не слышим их голосов, не знаем, что творится в других помещениях корабля. Только переговорная труба и машинные телеграфы связывают нас с центральным постом, с командиром. Я припал ухом к раструбу, чтобы не пропустить ни одной команды.

Нас пятеро. Это весь личный состав нашего отсека. Четыре матроса и я, их командир. Если что случится — хлынет ли вода в отсек, вспыхнет ли пожар, — мы должны справиться своими силами. Справиться или погибнуть. Покинуть отсек мы не можем: через раскрытую дверь переборки вода или огонь распространятся по всему кораблю. Мы скорее умрем, чем пойдем на это. Закон морского братства нарушать никому не позволено.

Если не считать легкого гудения электродвигателей (мы так привыкли к нему, что и не замечаем), в отсеке тишина такая, что я слышу дыхание людей и не глядя могу определить, кто где стоит.

Неподалеку от меня Аркадий Комков управляет ходовой станцией левого электродвигателя. Стройный, плечистый парень двадцати трех лет. Служит на лодке с 1941 года, старожил, можно сказать. Уже третий год Аркадий избирается секретарем комсомольской организации корабля. Человек серьезный, авторитетный. Недавно его приняли в партию. На этого могу положиться больше, чем на самого себя. Остальные ребята народ не столь самостоятельный, за ними глаз да глаз нужен.

Анатолий Панцов несет вахту у станции правого борта. Призван он во время войны, в учебном отряде зарядки настоящей не получил, а мнит о себе выше меры. Не упускает случая похвастаться своей осведомленностью, даже если ничего не смыслит в вопросе. Вообще-то парень грамотный — десятилетку окончил, но слишком гонора много. Спорит по любому пустяку, не останови — будет спорить до абсурда. Вчера, например, пытался всех уверить, что у волка ребра идут вдоль позвоночника и поэтому мешают поворачивать голову.

Хотя Панцов неплохо разбирается в технике и смекалкой не обижен, я держу его под пристальным вниманием: такому недолго оступиться.

Вспомогательные механизмы отсека обслуживает Иван Козлов — с виду добродушный малый, а на самом деле горячий, строптивый и колючий. Немало он нам крови попортил, пока раскусил, что такое дисциплина и для чего она. Если бы собрать в одно место картошку, которую он начистил, отбывая на камбузе

наряды вне очереди, наверное, в один вагон не вместились бы. Ничего, обломался, теперь матрос как матрос. Образованием похвалиться не может, но руки у него золотые, еще до войны работал электромонтером на заводе, и, если требуется произвести какой-нибудь ремонт, Козлов тут как тут. И уж тогда ему не мешай. Часами будет копать, дойдет до всего своим умом и сделает. И все знают: в это время с советом и подсказкой к нему не суйся, кровной обидой сочтет.

Пятым у нас Валентин Болгов, моторист. Вы спросите: почему моторист оказался в электромоторном отсеке? Он отвечает за линии гребных валов. Его боевой пост под нами, в трюме, где массивные подшипники обнимают вращающиеся стальные бревна, передающие движение от двигателей к гребным винтам. В трюме все окрашено алым суриком, и оттого Болгов всегда выглядит румяным, даже если лицо у него густо забрызгано машинным маслом. Болгов на вахте один со своими подшипниками и соединительными муфтами, не с кем ему и словом перекинуться. Но он никогда не скучает, всегда в хлопотах, а станет невмоготу, беседует сам с собой или поет тихонько. Сейчас молчит и то и дело выглядывает в люк, на меня смотрит: нет ли каких распоряжений.

Между прочим, Валентин Болгов попал на лодку по моему ходатайству. Подошел ко мне на пирсе молодой крепкий парень, обратился по всей форме и попросил:

— Товарищ старшина, помогите перевестись с береговой базы к вам на лодку. Воевать хочу.

Поясняю ему, что моряки, прежде чем попасть на подводную лодку, проходят специальное обучение в учебном отряде, от них требуется много знаний, крепкое здоровье, ловкость и выносливость.

— Вот увидите, я всему научусь. А моря я не боюсь: уже плавал на Каспии. Был мотористом на танкере, дизеля знаю. Похлопочите за меня, товарищ старшина. А я не подведу.

Парень мне понравился. Сказал о нем инженер-механику Саваренскому и так расхвалил матроса, что сдался наш неговорящий Сергей Сергеевич. Через штаб бригады был оформлен перевод. Так появился у

нас новый член экипажа краснофлотец Валентин Васильевич Болгов.

Очень скоро все убедились, что пополнение прибыло хоть куда. В считанные дни Валентин изучил устройство лодки, освоил дизеля. Теперь он у нас один из лучших мотористов. Когда лодка идет в надводном положении, Валентин работает у дизелей в соседнем отсеке, а когда идем под водой, его вахта у нас, в электромоторном, у линий валов.

Болгов — прекрасный моряк, не знающий, что такое морская болезнь, и всегда с готовностью подменит товарища, если увидит, что того укачало. Набив карманы засаленных штанов черными сухарями, Валентин без смены простоит и две и три вахты. Поет себе потихоньку, а умелые руки его всегда заняты каким-нибудь делом.

Не в обиду моим друзьям, прошедшим подготовку в учебных отрядах, скажу, что самоучка Болгов ни в чем не уступал им. Знающий, находчивый, исполнительный, в любую минуту готовый помочь товарищу, никогда не унывающий, он стал всеобщим любимцем.

У Валентина было трудное детство. Он рано осиротел. Беспризорничал. Советская власть спасла мальчишку: попал он в детский дом, учился там, попрос, получил специальности шофера, дизелиста и слесаря, а потом уже полноценным специалистом плавал на Каспии. Во время войны призвали на флот, и он оказался мотористом электростанции береговой базы. Страдал из-за своей сухопутной профессии. Но вот исполнилась его мечта: он стал подводником. Почему парня так тянуло на подводную лодку? Сам он это объяснил просто:

— Должник я. Перед Советской властью, перед добрыми людьми, которые сделали меня человеком. Вот и хочется больше пользы принести.

Собираясь в море, Валентин обязательно захватывает с собой толстый, изрядно потрепанный том рассказов Чехова. В свободные минуты читает книгу вслух, читает так здорово, что слушатели — а в них недостатка нет — готовы сидеть часами, то грустя, то хохоча до слез.

...Не отрывая уха от переговорной трубы, я поглядываю на товарищей. Они застыли в ожидании прика-

заний. Слышу, как бьется мое сердце. Знаю: у всех сейчас такое состояние. Мы в бою. Люди озабочены одним, думают об одном, у них одно стремление — добиться победы.

Только бы ничто не помешало атаке! У нас и на этот раз плавание проходит не гладко. Мотористам вчера пришлось менять крышку цилиндра дизеля, которая дала течь. Это трудоемкая работа. Гайки крышек в базе завертывали намертво — ударами кувалды по ключу. А теперь кувалдой не воспользуешься: шуметь нельзя. На конец ключа надели трубу, и несколько человек грудью нажимали на этот рычаг. Потом надо было снять старую крышку и поставить новую. А весит такая игрушка несколько сот килограммов. Сутки мотористы Иван Жуковин, Александр Климов, Петр Добряк, Александр Логинов и Артем Агамов трудились в тесноте и духоте. К моменту всплытия для зарядки аккумуляторов дизель был готов.

Но нас ожидало новое испытание. Пока лодка шла по поверхности моря, волны часто захлестывали мостик, через рубочный люк вода лилась в центральный пост. Соленые брызги попали в коробку переключателя управления вертикальным рулем. Произошло замыкание, переключатель сгорел. Пришлось перекладывать руль вручную, что у нас не так-то просто: мало того, что тяжело — вдвоем еле повернуть штурвал, а главное то, что ручной привод руля находится в седьмом отсеке, вдали от центрального поста. Во время атаки это создало бы дополнительные трудности и могло отразиться на успехе боя. Нужно было любой ценой исправить поломку. Электрик Ануфрий Мозольков долго возился с переключателем, но полностью восстановить его не смог — не было запасных деталей. Наконец он произвел соединения по упрощенной схеме. Электрический привод заработал. Сейчас, когда корабль идет в атаку, рулевые перекладывают рули с помощью электрических манипуляторов.

Мысленно я оббегаю отсеки корабля. В носовом лихорадочно трудятся торпедисты, изготавливая к залпу свое грозное оружие. Николай Кононенко, Петр Шилкин и Александр Шилин вращают тяжелые рукоятки, открывая наружные крышки торпедных аппаратов. У автомата торпедной стрельбы — командир

минно-торпедной боевой части старший лейтенант Василий Михайлович Терехов. Это бывалый подводник, пришедший к нам с Краснознаменной подводной лодки «К-21», которая прославилась торпедированием фашистского линейного корабля «Тирпиц».

Отчетливо представляю я и второй отсек с его изумительным безмолвием. Здесь и шепота лишнего не услышите. Это потому, что тут находится гидроакустическая рубка. Шумопеленгаторы — чуткие уши корабля — следят за каждым движением врага. Гидроакустики Павел Сергеев и Евгений Новиков молча колдуют у хитрых приборов и время от времени докладывают в центральный пост об изменении пеленга на цель, об эволюциях судов и кораблей вражеского конвоя.

Но конечно, наивысшее напряжение переживают моряки третьего отсека, центрального поста управления. Здесь сосредоточие нервов, здесь мозг корабля. В тесной боевой рубке, расположенной над центральным постом, прильнул к окулярам перископа командир корабля Василий Андрианович Тураев.

Хотите узнать, что такое настоящий командир? Сходите в плавание на подводной лодке.

Командир корабля... Пусть он прост с виду, пусть весел и улыбчив, пусть по возрасту он чуть-чуть старше своих подчиненных — для нас он существо необыкновенное. В его руках не только власть. В его руках наши жизни. Его разум, воля, мастерство решают исход боя, а значит, и судьбу каждого из нас. Все зависит от него, от его таланта. Когда мы во вражеских водах, за сотни миль от родных берегов, командир корабля для нас высшая власть, слово его — закон. Нет, прямо скажу, нигде командир не пользуется таким абсолютным авторитетом, как на подводной лодке. Вот и сейчас на него устремлены десятки глаз, весь экипаж ловит каждое его слово. Командир далеко от нас — за два отсека, три стальные переборки отделяют нас от него, но, вслушиваясь в тихие, отрывистые фразы, доносящиеся из центрального поста, я мысленно вижу Тураева — твердого и спокойного. Только желваки на чисто выбритых щеках выдают его волнение.

Время остановилось. Никогда еще так медленно не двигались стрелки часов. Ребята молчат. Побелели пальцы, стиснувшие рукоятки рубильников.

— Пли-и-и! — доносится по трубе протяжная команда. Лодка дергается раз, другой, третий, четвертый. Значит, четыре торпеды устремились одна за другой к фашистскому конвою. Попадут или нет? В любом случае нам не избежать вражеских атак. Жди бомбежки!

По привычке оглядываю отсек. Нахожу глазами клапан магистрали сжатого воздуха, аварийный инструмент. Надо быть готовыми ко всему. Когда над тобой многометровая толща воды, приходится быть всегда настороже. В любой момент может засвистеть, загреметь струя, упругая, как стальной прут.

Прошлый раз такое произошло, когда форсировали минное поле. Если лодка ползет среди мин, то не до разговоров. Примолкли все в отсеках, слушают. И вдруг эта могильная тишина взорвалась. Под настилом палубы что-то загремело, заревело. Заглянули в трюм. Из дейдвудной трубы, сквозь которую гребной вал выводится за борт, хлещет вода. Струи ее, упираясь в преграду, разбиваются в пыль, в трюме туман стоит. Болгов с клином и молотком попытался приблизиться к дейдвуду. Куда там, струей как ударило, выбило из рук и молоток, и клин. Хорошо, что руки остались целы, а то под таким давлением вода режет, как нож.

Докладаваю в центральный отсек о случившемся. Поступает приказ: правый электродвигатель выключить, течь ликвидировать. И как можно скорее!

А как ее, проклятую, ликвидировать, это уж я должен решать. На раздумья и сомнения времени нет. Надо действовать. Закрываю кран переговорной трубы, приказываю плотнее задраить двери переборок и открываю клапан сжатого воздуха. С шипением воздух врывается в отсек. Пахнет перегорелым машинным маслом — сжатый воздух всегда так пахнет. В отсеке густеет туман — так тоже всегда бывает при сильном перепаде давлений. И на уши нам все больше давит. Чтобы уменьшить боль, зажимаю пальцами нос и дую в него изо всей силы. Говорить нельзя: уши словно ватой заложило, да и все равно в свисте и гро-

хоте ничего не расслышать. Переговариваемся знаками.

Матросы, подготовив необходимые инструменты и материалы, ждут, то и дело заглядывая в трюм. Не слабеет течь. Прошло минут сорок, пока давление в отсеке настолько возросло, что почти сравнялось с забортным. Лишь тогда поток воды утихомирился. К тому времени трюм уже превратился в небольшой водоем. Вода уже выше колен. Холодная как лед. Щелкаем зубами, подбираемся к сальнику, отвертываем его крышку. Сильнее струя ударила, окатила с головой. Но обращать внимание на все эти неприятности недосуг. Набиваем сальник потуже, благо все у нас под рукой. Ребята удивлялись, что я тащу в отсек всякую мелочь, как сорока в свое гнездо. Сейчас убедились в пользе такого скопидомства. Ведь из отсека, находящегося под давлением, не выйдешь, не сходишь к мотористам за нужным гаечным ключом...

Вот почему мы держим под рукой помимо положенного инвентаря и инструмента вещи, на первый взгляд не представляющие никакой ценности: кусочки свинца и резины, железные и медные полоски, болтики с гайками, сальниковую набивку, обрезки кабеля. Многие из этого даже не предусмотрено табелем снабжения и потому приобретено нами подчас не совсем законными путями.

Вы знаете, как трудно что-нибудь выпросить у нашего боцмана мичмана Д. В. Васильева. Вот уж Плюшкин так Плюшкин! Чтобы заполучить у него банку краски или немного ветоши, два часа уговариваешь. И в конце концов не даст. «Пускай отдохнет!» — любимая его фраза. «Пускай отдохнет!» — и банка с краской, которую он уже протянул было вам, снова возвращается в его кладовку, до отказа набитую всяким добром. Обращение к совести на боцмана не действует. Помогает только обращение к старпому. Лишь получив его приказание, Дмитрий Васильевич, ворча и стеная, расстается со своими богатствами. И обязательно скажет: «Грабеж среди бела дня!» Вот почему все, что у нас припрятано в отсеке, боцман считает приобретенным сомнительными способами.

Многие мелочи, которыми мы запаслись, в походах оказались куда нужнее огромных табельных бу-

гелей (для заделки пробойн на толстых трубах) или громоздких деревянных пробок — чурбанов (на случай образования в корпусе дыр от артиллерийских снарядов).

Бьемся с сальником. Заменили набивку. Вновь зажали гайки. А вода течет. Сколько ни бились, ничего не сделали. Льется вода. Помаленьку, не так, как раньше, но льется. Больше затягивать сальник нельзя — растет нагрузка электромотора от увеличившегося трения. Вылезаем из трюма, сдираем с себя мокрые рубахи и штаны, голышом кутаемся в полушубки и скорее горячие электромоторы обнимать. Еще пять часов мы просидели под адским давлением, потихоньку стравливая воздух в соседние отсеки. Это нужно было делать очень осторожно: всех нас свалила бы кессонная болезнь. Когда воздух начали стравливать, туман в отсеке стал настолько густым, что ничего не было видно. У ходовых станций работали на ощупь. И, лишь миновав минное поле, лодка наконец всплыла. В спокойной обстановке трюм осушили, сальник быстро поправили...

Как видите, даже без бомбежки нам может крепко доставаться...

Но сейчас мы думаем не о бомбежке, не об опасности. Мы слушаем: взорвутся или нет выпущенные нами торпеды. Ох, как медленно секунды тянутся! Панцов часам не верит, считает шепотом: «Пятьдесят шесть... пятьдесят семь... пятьдесят восемь...» Я постукиваю пальцами по стеклу часов: не остановились ли...

Приказано держать ход шесть узлов. Электромоторы загудели сильнее. За бортом тихий звон: это вибрирует надстройка. Мы морщимся: мешает слушать. Так будут взрывы или нет?

И вот он, далекий раскатистый гром. Одна попала! Потом еще два взрыва подряд, чуть слабее. Неужели и эти попали? Мы переглядываемся с улыбкой, а сами все еще не верим. Обменяться мыслями не успели. Вздрагивает, прыгает палуба под ногами. В борт ударяет что-то жесткое, тяжелое, ударяет так, что, кажется, сталь прогнулась. С потолка градом сыплется пробковая крошка. Еще, еще удары.словно кто-то исполинским молотом дубасит по кораблю. Лопаются и гаснут лампочки. И только наша перенос-

ка продолжает гореть, раскачиваясь, как маятник, на своем кабеле. Мечутся тени по полутемному отсеку.

Враг сбрасывает глубинные бомбы сериями. Грянет несколько взрывов, не успеем после них опомниться, барабаны новые. Замечаем, что все они теперь у нас за кормой. А над головой слышен шум винтов. Догадываемся: командир, чтобы вывести лодку из-под удара, направил ее под вражеский конвой. Потому и падают бомбы в стороне: противник потерял нас.

Нам теперь прибавилось работы. Как только начинает рваться очередная серия бомб, командир приказывает увеличить ход. Затихают взрывы — и мы переводим электромоторы на самый малый, чтобы противнику в наступившей тишине труднее было нащупать нас. Комков и Панцов манипулируют рубильниками и регуляторами оборотов, как одержимые. Лица их блесят от пота.

Лампочка все качается на шнуре. Сыплется с подволока пробка. Перекатываясь по кренящейся палубе, дребезжит битое стекло.

Время по-прежнему движется страшно медленно. Может, часы остановились от сотрясения? Постукиваю по стеклу. Нет, минутная стрелка ползет, только уж очень лениво.

Полчаса бомбы рвались поблизости. Затем взрывы стали тише. Хотя они и не прекращаются, но уже ясно, что преследователи потеряли нас и бомбят сейчас море просто для очистки совести.

Переводим дух. Козлов подсчитывает черточки, которые он ставил карандашом на кожухе распределительного щита. Насчитал сорок две. Значит, сорок две глубинные бомбы разорвались возле нас. Лодка выдержала. Никаких сколько-нибудь серьезных повреждений на корабле нет. Мелкие поломки, разбитые лампочки и плафоны — не в счет.

Из центрального командуют перевести электромоторы на экономический ход. Лодка погружается на глубину восьмидесяти метров — так безопаснее форсировать минное поле. Направляемся в район зарядки. Пора уже. Во время атаки и уклонения от преследования мы так разрядили аккумуляторы, что сейчас опасаемся, хватит ли электроэнергии дойти до назначенной точки.

Хлопки взрывов остаются далеко за кормой. Фашисты не сунутся на собственное минное море, которое на этот раз из страшного нашего врага превратилось в союзника.

Достаем запасные лампочки, ввертываем их вместо разбитых. В отсеке сразу становится веселее. Осматриваем все кругом и еще раз убеждаемся: замечательный наш корабль. Молодцы кораблестроители, спасибо им! Спасибо сталеварам, прокатчикам, токарям и фрезеровщикам, кузнецам и прибористам, спасибо тысячам других рабочих, строившим наш корабль. Их труд помогает нам одерживать победы, спасает нас, когда нам бывает тужо. Спасибо вам, заботливые сердца и золотые руки советских людей!

Палуба усеяна пробковой крошкой (ею для теплоизоляции оклеен изнутри весь корпус лодки), осколками стекла и разным мусором, вылетевшим из сокровенных мест, куда и во время приборок не проникает рука с тряпкой. Сметаем весь этот хлам. Матросы смеются: еще парочку таких бомбежек — и в лодке будет идеальная чистота.

Стряхиваем пробку с волос и плеч. Выдергиваем подола рубах из брюк: за пазухой тоже пригоршни пробковой крошки.

Через три часа минное поле остается позади. Стопорим двигатели и всплываем — пока лишь на перископную глубину. Показываться на поверхности моря еще рано: слишком светло.

Командир корабля обходит отсеки, поздравляет моряков с победой. Побывал он и у нас. Мы наконец-то узнали, как все произошло. Первая торпеда пустила ко дну вражеский сторожевик водоизмещением в восемьсот тонн. Он выскочил откуда-то сбоку и наорвался на удар, который предназначался транспорту. Но вторая торпеда все же угодила в транспорт. Тяжело нагруженное судно водоизмещением в восемь тысяч тонн потонуло мгновенно. Везло оно, судя по необычно низкой осадке, никелевую руду. Третья торпеда уничтожила тральщик, который шел чуть позади транспорта. Гибель всех трех кораблей командир наблюдал в перископ.

Капитан 3 ранга поблагодарил нас за четкую работу и направился в следующий отсек.

Вытираю почище руки ветошью и, пока еще не запустили дизели (когда они заработают, все вокруг будет трястись как в лихорадке), принимаюсь за выпуск очередного боевого листка. Часть материала появляется сразу: своими впечатлениями об атаке делятся в небольших заметках Комков и Болгов. Остальное поступит после всплытия, когда можно будет ходить из отсека в отсек.

По часам уже полночь. Но какая может быть ночь в Заполярье в конце июня? Всплыли на поверхность. Кругом светло как днем. Мотористы запустили дизели. Их торопливый стук разносится далеко по морю.

Закончился славный для нас день — 20 июня 1944 года.

За ночь зарядили аккумуляторы. Снова вышли на «охоту». Бороздим студеное море, обшариваем каждую бухточку, заглядываем в фиорды. Пусто!

День за днем уходят на поиски. Ни одного транспорта! Так безрезультатно и плавали, пока не получили приказ возвращаться в базу. Повеселели матросы. Скоро милая земля, где нас ждут горячая баня, койка с чистыми простынями, свежий хлеб и прочие блага береговой жизни.

В отсеках разворачивается генеральная приборка. Чистим все до блеска. Не забываем и себя. Инженер расщедрился и выделил для матросов три резиновых мешка с дистиллированной водой, которую обычно тратим только на заливку аккумуляторов и бережем пуще глаза. Сейчас мы умываемся этой водой, умываемся до пояса прямо над раскрытым трюмом. В нашем теплом отсеке действует походная парикмахерская: острыми ножницами можно подрезать отросшие за поход вихры. Вместе с грязью и копотью сбриваем жесткую щетину со щек. Чересчур заросших подстригает машинкой трюмный Костя Симухин.

Всплываем в точке randevu. Болгов переключает соединительные муфты. Один из главных электромоторов разобщается с гребным валом и соединяется с дизелем. Теперь электродвигатель будет вращать дизель, который на время превратится в компрессор, станет нагнетать воздух в балластные цистерны, вытесняя из них воду. К нам подходят корабли эскорта

(большие охотники) и сопровождают лодку в Кольский залив.

Балласт продут. Оба дизеля переключаются на винт. Лодка увеличивает ход. У входа в залив это необходимо: здесь нас могут подстергать вражеские субмарины.

И вот уже показалось Полярное. Лучшие из моряков вызываются на верхнюю палубу — им предоставляется право произвести победный салют. Три оружейных выстрела гремят над заливом. Это мы рапортуем стране о том, что у врага тремя кораблями стало меньше.

Нас поздравляет командующий флотом. А потом с пирса хлынула на лодку толпа друзей. На узкой палубе сразу становится тесно. Нам жмут руки, хлопают по плечам, тискают что есть силы, угощают табаком. И все спрашивают, как проходило плавание, но никто не слушает наших рассказов, да и нельзя ни рассказывать, ни слушать в таком гомоне и в такой тесноте. А над нами — голубое небо и солнце. И воздух, свежий, пьянящий воздух! Мы были лишены всего этого почти целый месяц.

Вечером командир береговой базы торжественно заявляет нам, что мы заслужили трех поросят. Это традиция — подносить возвратившимся из похода подводникам поросят — по одному за каждый потопленный вражеский корабль. Но командир базы тут же просит извинения: поросят пока нет, кончились они, слишком удачным был для подводников месяц. И заверяет: будут поросята, обязательно будут, но позже. Ну что ж, подождем, жареные поросята от нас не уйдут. Да и не до них нам сейчас. Все другим заняты. Почтальон вручает нам целые пачки писем. Читаем и перечитываем листочки, дышащие родным теплом.

Ночью долго не можем уснуть. Чуть закроешь глаза, и кажется, что койка под тобой качается. Оказывается, и к твердой земле привыкать надо.

Ворочается на койке Анатолий Панцов. Шепотом окликает меня:

- Товарищ старшина, вы не спите?
- Нет еще.
- Знаете, мне все не верится,
- Что не верится?

— Да то, что мы три корабля потопили. Уж очень просто: раз — и трех штук нет! Никогда не подумал бы, что это так легко...

Легко и просто... Я задумался. Нет, все намного сложнее, чем кажется Панцову. Мы прошли большой и трудный путь, пока достигли успеха, своей первой большой победы. Мы долго готовились к ней. Несколько лет...

ДОРОГА ДЛИНОЙ В ТРИ ГОДА

самых общих чертах познакомлю читателя с историей нашей лодки, а заодно расскажу, как я оказался на ней.

В декабре 1940 года закончился пятый, последний год моей срочной службы. Был я к тому времени старшиной группы электриков тихоокеанской подводной лодки «Щ-105». На этой лодке протекла вся моя служба. Пришел на нее «салагой» — учеником, овладел специальностью, потом сам стал учить других. Познал радости и трудности морской службы и истинную цену морскому товариществу.

И вот наступила минута расставания с кораблем, который стал мне и школой жизни, и родным домом. Напоследок обошел все отсеки, покурил с товарищами на мостике.

Удивительна человеческая натура! Еще вчера тебя огорчали и трудности службы, и казавшаяся подчас

чрезмерной требовательность начальников, и невозможность распоряжаться собой, как тебе захочется. А сейчас вдруг понял, что это были лучшие годы, что именно здесь, на корабле, я нашел чудесных друзей, память о которых сохранию до конца дней своих, и всегда буду благодарен командирам, под началом которых мы прошли превосходную школу жизни. И мы, отслужившие срок, расставались с кораблем и товарищами, не скрывая волнения и грусти.

Я вернулся в родную Москву, поступил на завод, женился. Но короткими были покой и счастье. 22 июня 1941 года на страну напал враг. Я, как и многие другие, побежал в военкомат. Там сказали: «Вы оставлены до особого распоряжения».

Только 19 августа мне вручили повестку о мобилизации. На другой день я уже оказался в воинском лагере в одном из подмосковных поселков, куда были собраны многие моряки, призванные из запаса.

Бестолковщина и неразбериха царили в лагере. Нас несколько раз переписывали, разбивали на группы по месту прежней службы, по флотским специальностям, а потом остригли наголо тупыми машинками и одели в красноармейское обмундирование.

В лагере встретил нескольких знакомых по Тихоокеанскому флоту подводников. После переодевания я еле разыскал их в толчее — так меняет внешность человека. На всякий случай решили держаться вместе.

Начали нас перегонять из лагеря в лагерь. Думали, что направят под Вязьму, где в то время шли тяжелые бои, а оказались в тыловом городе. Возмущению нашему не было предела. Стали допытывать комиссара батальона насчет нашей дальнейшей судьбы. Но тот и сам не знал, что нас ожидает. Утешал: вот, мол, прогоним фашистов, в наши руки вместе с другими трофеями попадут и подводные лодки, тогда-то мы и пригодимся.

Утешение было слабое, тем более что в то горькое время не мы гнали фашистов, а они теснили нашу армию, и бои разгорались на подступах к Москве. Мы каждое утро собирались под динамиком, прибитым на сосне, слушали нерадостные вести с фронтов и ломали голову: куда же нас бросят наконец?

Пока же нас никуда не бросали, а чтобы занять чем-нибудь, выдавали одну учебную винтовку на отделение, и мы, уже не новички в военном деле, проходили «одиночную подготовку молодого бойца», хотя никак не могли понять, кому нужны в такую суровую годину строевая подготовка и все эти ружейные артикулы.

Но вот в середине сентября на одной из вечерних проверок назвали наши фамилии и приказали с утра рассчитаться с лагерем и быть готовыми к отъезду.

Через несколько дней мы оказались во флотском полуэкипаже, где нас наспех переодели в потрепанное, как говорят, бывшее в употреблении, флотское рабочее обмундирование (а в аттестатах значащееся новым) и направили в дивизион подводных лодок. Но не подумайте, что это было на берегу океана. Нет. Мы по-прежнему находились далеко и от фронта, и от моря. Нас троих электриков — Анатолия Тихонова, Ануфрия Мозолькова и меня — назначили на новую подводную лодку «С-104».

Я, назначенный старшиной группы электриков, немало удивился тому, что Мозольков — подводник. С виду это совсем неказистый и чудаковатый парень. За свои эксцентрические выходки он уже в лагере успел получить не одно замечание. И такой разгильдяй попал ко мне в подчинение... Но все мои опасения были напрасными. Это оказался хороший товарищ и толковый специалист. Чудачества в лагере были его наивной уловкой: уж очень не хотелось моряку попасть в пехоту, вот и добивался, чтобы лагерное начальство поскорее сбросило его с рук.

Лодка еще достраивалась. Экипаж ее только комплектовался. Люди собрались разные — и просоленные моряки, и зеленая молодежь. Встретил я здесь главного старшину Николая Петровича Карпова, с которым мы познакомились еще в бригаде подводных лодок на Тихом океане. Уроженец промышленного Урала, в молодости работавший на металлургическом заводе, Карпов был исключительно трудолюбив и настойчив. Одна беда — вспыльчив. Чуть что — в такую ругань пустится, уши вянут. Часто влетало ему за это. Но специалист был первоклассный, и ему прощали многое.

Одновременно с нами прибыл на лодку после окончания курсов старшин боцман старшина 1-й статьи Дмитрий Васильев, мой ровесник, прослуживший срочную на Балтике. Был он хмур, молчалив и, как уже знает читатель, поразительно скуп, когда речь шла о казенном имуществе (свое все отдаст без звука!). Вначале нас обижала его угрюмость и нелюдимость, пока мы не узнали, что это у него от горя: он потерял жену, а маленькая дочка и мать-старушка остались на оккупированной фашистами территории.

Командира корабля не было: его вместе с несколькими матросами и старшинами срочно перебросили на Балтику, где они уже успели побывать в нескольких боевых походах. Главенствовал на лодке помощник командира старший лейтенант Степан Степанович Калибров, бывший моряк торгового флота, энергичный и распорядительный офицер. Он многое сделал для быстрого сколачивания экипажа.

Сразу полюбился нам комиссар лодки Федор Иванович Некрасов. Душевный и рассудительный, он был близок к людям, знал их думы и настроения. Мы видели в нем нашего брата-матроса (когда-то Некрасов служил комендором на балтийском линкоре «Марат») и шли к нему со всеми своими радостями и горестями. Многим горячим головам, рвавшимся на фронт, Федор Иванович сумел втолковать, что здесь, на лодке, они нужнее.

Штурман лейтенант Николай Ильич Кабанов был не по годам серьезен и замкнут. Мы уважали его и побаивались. Полной противоположностью ему был минер лейтенант Георгий Цветков — веселый и жизнерадостный юноша с румяным открытым лицом, певец и музыкант. На досуге он всегда был среди матросов, первый заводила и запевала.

Группой движения командовал инженер-лейтенант Михаил Николаевич Коломиец. Работалось с ним легко и интересно. Он умел ценить труд подчиненных, а если нужно, сам брал инструмент и работал вместе с матросами. Мы все любили его.

И наконец, на лодке был еще доктор — военфельдшер Анатолий Яковлевич Сотников, томившийся от отсутствия настоящей врачебной практики. Подводники — народ здоровый, к доктору обращаются редко,

и Анатолию Яковлевичу приходится всю свою неистощимую энергию переключать на чисто интендантскую деятельность — заниматься продуктами, работой пищеблока, финансами.

Знакомлюсь со своими подчиненными. Их у меня пока пятеро. Самые опытные — командир отделения Анатолий Тихонов, старшие краснофлотцы Ануфрий Мозольков и Александр Волков (этот до перевода на строящуюся лодку год прослужил на Балтике). Аркадий Комков и Алексей Клунко (его вскоре отправили на сухопутный фронт) пришли сразу из учебного отряда, моря еще не видели и о службе на лодках имеют пока лишь смутное, чисто теоретическое представление.

Я все говорю: мы прибыли на лодку. На самом деле на лодку нас первое время даже не пускали. Мы изучали правила ухода за аккумуляторными батареями, осваивали управление главными электромоторами и другими агрегатами, расположившись... на лужайке в городском саду.

Потом мы получили пропуска на завод и начали знакомиться с нашим кораблем. Лодка была новой, никто из нас не служил на таких. И мы без конца лазали по ее отсекам, трюмам и надстройкам. Набор корпуса изучали на стапелях, где только начиналось строительство других лодок этого типа. Нашими учителями помимо инженер-лейтенанта Коломийца, нашего старшины трюмных Андрея Еремина и старшины трюмных с соседней лодки «С-103» Владимира Уласевича были заводские мастера и рабочие. С их помощью мы быстро изучили устройство корабля.

Лодка стояла в заводском затоне почти готовая. Почти... Оставалось, как говорится, только подобрать «кончики». Но дело это оказалось далеко не легким, оно потребовало от нас уйму времени, труда и находчивости.

На заводе пробыли недолго. Шел октябрь 1941 года. Гитлеровцы наступали на Москву. Их армии продвинулись далеко в глубь нашей страны. Фронт продвинулся близко к заводу. И нам пришлось спешить изо всех сил.

19 октября тронулись в путь. День выдался холодный. Шел снег. Еще немного — и реки станут. Пути

на Балтику и на Север отрезаны противником и осенним мелководьем. Пришлось довольствоваться другим водоемом. Там и начали «отрабатывать» свой корабль.

На неотопливаемой лодке страшно холодно. Ложась спать, мы укрывались «всем аттестатом», а боцман Васильев по утрам умывался не снимая шинели.

Последующие события повергли всех в уныние. Приказали снять оба перископа и аккумуляторную батарею. Их отправили на действующий флот. Это значило, что нам принимать участие в боевых действиях не придется еще долго. В довершение всех бед от нас отозвали всех заводских специалистов. Теперь уже официально достройка лодки была прекращена.

Совсем мы повесили голову. Посылали командованию рапорты с просьбой послать на фронт. Никого непустили. А вскоре вернулись рабочие. Вместе с ними мы с жаром принялись за дело. Прибыли и новые моряки. В нашу группу пришел Анатолий Панцов. Вскоре экипаж был укомплектован почти полностью. Воспрянули мы духом. Прибыл и новый командир лодки капитан-лейтенант Михаил Иванович Никифоров, старый моряк Совторгфлота, переквалифицировавшийся на подводника.

На все лодки дивизиона выделили одну аккумуляторную батарею, снятую со «щуки». Ее-то и стали по очереди устанавливать на лодки, чтобы произвести швартовые и ходовые испытания. Батарея была мало мощной и слишком легкой для лодок нашего типа. Недостающий вес восполнялся чугунными чушками, которые мы укладывали в аккумуляторные ямы.

В середине 1942 года очередь дошла и до нашей лодки. Погрузили и смонтировали батарею, испытали механизмы сначала у стенки, а затем и на ходу.

А по берегу брели люди, которых война изгнала из родных мест. Поток беженцев все рос. Это само народное горе текло перед нашими глазами, и мы, глядя на измученных женщин, детей и стариков, задыхались от отчаяния, от бессильной ненависти к врагу. Мы всячески старались помочь людям, обреченным на бездомную жизнь, полную лишений и горькой нужды. Уменьшая свои порции, относили им еду, поили их водой, приносили кусочки сэкономленного мыла.

Родные и близкие многих подводников оказались в районах, оккупированных врагом. Поэтому страдания беженцев особенно трогали сердца матросов. Некоторые снова начали проситься на фронт. Командованию, коммунистам, нам, старшинам, приходилось терпеливо разъяснять товарищам, что лодка наша еще будет направлена в дело, что оставить ее без кадров, когда она скоро войдет в строй боевых кораблей, — преступление, которому не найти оправдания.

Ходовые испытания происходили в самый разгар лета. Стояла жара. Внутри лодки все было так раскалено, что не дотронешься. На камбузе едва успевали кипятить воду: моряки моментально ее выпивали, не давая ей даже остыть. Облегчение давало только купание, но купаться разрешалось, лишь когда лодка стопорила машины и ложилась в дрейф.

Я вспомнил другое жаркое лето — во время хасанских событий 1938 года, когда нам, тихоокеанским подводникам, пришлось нести вахту у Корейского побережья. Только тогда обстановка была боевой и о купании нечего было думать!

Ходовые испытания лодок совмещались с различными работами по проверке новых образцов техники. Так мы впервые испробовали способ постановки донных мин из торпедных аппаратов, действие новой системы регенерации воздуха, которая после была введена на подводных лодках.

27 сентября на нашей лодке был поднят военноморской флаг. «С-104» стала боевым кораблем. Но путь в море был для нас еще закрыт.

Зимовать опять предстояло в далеком тылу.

В моей жизни произошло большое событие: меня приняли кандидатом в члены Коммунистической партии. Рекомендации дали штурман Николай Ильич Кабанов и старшина группы трюмных Андрей Климович Еремин. Третью рекомендацию написал старшина группы мотористов подводной лодки «С-15» мичман Николай Иванович Сумкин, мой давний товарищ, старый подводник, прослуживший к тому времени на флоте более двадцати лет. На том же собрании принимали кандидатом в члены партии старшего краснофлотца Ануфрия Мозолькова.

Наша партийная организация за год выросла с че-

тырех до двадцати человек. Ее усилившаяся активность благотворно сказывалась на всех сторонах жизни экипажа. Коммунисты были застрельщиками во всех работах, в сплочении коллектива. Руководил партийной организацией боевой старшина трюмных мичман Андрей Еремин.

Лучших комсомольцев подготовила и рекомендовала в партию комсомольская организация, возглавляемая признанным вожаком корабельной молодежи коммунистом Аркадием Комковым.

В огне небывалых сражений начался 1943 год. Наша героическая Советская Армия одержала историческую победу на Волге и Дону. Инициатива в боевых действиях окончательно и бесповоротно перешла к нам. Подводникам не терпелось внести свою лепту в дело победы.

В эти дни, когда мы с таким волнением ждали новых сообщений о продвижении наших войск, к нам прибыл новый заместитель командира дивизиона по политической части капитан 2 ранга П. И. Петров.

Павла Ивановича я знал еще по Дальнему Востоку. Он служил политработником на одной из лодок. В 1938 году по ложному доносу был репрессирован. В начале войны ему удалось вернуться в строй. Был комиссаром в отряде морской пехоты, до последнего дня сражался в Севастополе. К нам в дивизион Павел Иванович приехал с парнишкой-сиротой. Новичка определили учеником моториста на нашу лодку. Так у нас появился самый молодой, семнадцатилетний краснофлотец Миша Сазонников.

Коренной севастополец, Миша рано познал большое человеческое горе. Гитлеровцы замучили его мать и расстреляли отца. Добрые люди приютили мальчика и переправили к крымским партизанам, где Миша помогал взрослым. В бою он был ранен. Павел Иванович встретил его в госпитале на Большой земле и взял с собой.

Победы наших войск открыли нам желанный путь на флот. Началась деятельная подготовка к переходу. Максимально облегчаем лодку, чтобы она смогла пройти по рекам. Освободились от всего твердого балласта, сняли пушки, запасные части и прочее имущество — оно последует по железной дороге.

Аккумуляторной батареи у нас по-прежнему не было, поэтому пришлось отрабатывать необычный для подводных лодок способ использования энергетического хозяйства. В абсолютной темноте на ощупь мотористы запускали дизель. Электрики возбуждали гребной электромотор, и тот начинал работать в режиме генератора, освещая отсеки, давая ток помпам охлаждения дизелей, электроприводам рулей и другим вспомогательным механизмам. Стоило дизелю остановиться, как все замирало и в отсеках вновь воцарялась крошечная тьма.

Под руководством нового инженер-механика Сергея Сергеевича Саваренского мы быстро освоили непривычный для нас способ.

В конце апреля, как только реки очистились ото льда, мы двинулись в дорогу. Путь по рекам и каналам был долг и тяжел. Но вот мы и в Архангельске. Здесь мы приняли на борт все наше имущество, прибывшее по железной дороге, погрузили аккумуляторную батарею и принялись за боевую учебу. Часто выходили в море, производили учебные атаки и разнообразные маневры.

Так прошло лето.

Хмурым сентябрьским утром лодка направилась в штормовое море, в свой первый настоящий поход. Курс наш лежал в Баренцево море. На третьи сутки, днем 30 сентября, лодка ошвартовалась у причала Екатерининской гавани, окруженной высокими гранитными утесами. Когда разрешили выйти наверх, все поспешили на мостик — взглянуть на новые места. Первое, что меня поразило, — это очень высокая стенка бревенчатого причала. Оказывается, в это время был отлив.

Нас встречала группа подводников, среди которых выделялся немолодой капитан 1 ранга с добрым улыбающимся лицом. Это был прославленный северомерец Герой Советского Союза Иван Александрович Колышкин, командир Краснознаменной бригады подводных лодок. Здесь же я увидел командиров тихоокеанцев Комарова, Братишко и Щедрина. Были тут и мои сослуживцы. Вот Михаил Трофимов, мой первый наставник, помогавший мне изучить устройство лодки, когда я еще «салагой» прибыл из учебного отряда. Здесь же и весельчак Сергей Петриков, и

Александр Потехин, и Петр Галкин, с которыми мне довелось плавать на «Щ-106», и неугомонный Дмитрий Груздев (моторист, мой товарищ по «Щ-105»), и мой однокашник еще по допризывной подготовке и по учебному отряду Василий Князев... Да разве всех перечислишь! Впечатление такое, будто снова вернулся во Владивосток и разлука с друзьями была короткой, как очередной отпуск.

Разными путями попали тихоокеанцы на Север. Одни пришли с лодками, совершившими беспримерный кругосветный переход с Дальнего Востока. Другие в начале войны были переброшены сюда с Балтики. Третьи, как я, были призваны из запаса. Почти все уже побывали в боевых походах, грудь их украшают ордена и медали.

Мы знали, что Краснознаменная бригада подводных лодок Северного флота доблестно сражалась с врагом. Многие ее корабли стали гвардейскими, награждены орденами. Лучшие подводники, такие, как Лунин, Стариков, Фисанович, заслужили высокое звание Героя Советского Союза. Большая честь служить в таком соединении!

Вечерами мы до самого отбоя слушали рассказы друзей о боевых походах, в которых они побывали. Узнали мы и о гибели многих наших товарищей. Как-то не верилось, что их уже нет в живых. Мы пришли на смену павшим. Наш долг — отомстить врагу за друзей, не доживших до победы.

Лодки, только что прибывшие на Север, свели в новый дивизион, командиром его назначили капитана 2 ранга Павла Ильича Егорова. До этого он командовал «С-101». Раньше этой лодке не везло, ее моряки никак не могли добиться боевого успеха. Зато в каждом походе на лодку обрушивалось множество глубинных бомб. Это подрывало репутацию всех «эсок», которые флотские зубоскалы начали уже величать «бомбоуловителями». Но стоило прийти на «С-101» П. И. Егорову, как дело сразу изменилось. Лодка стала возвращаться с победами из каждого похода. Семь потопленных вражеских транспортов и одна подводная лодка — неплохой боевой счет. Эти цифры яви-

лись убедительным свидетельством не только высокого мастерства командира и всего экипажа, но и превосходных боевых качеств лодок типа «С».

Осень 1943 года была тяжелой для североморских подводников. На наших глазах ушла в море «Щ-403» и не вернулась. Почти одновременно с ней погибла «К-1». Чуть позже стало известно о гибели гвардейских «малюток» — «М-172» и «М-174».

Да, недешево даются победы!

Скоро мы на собственном опыте убедились, что на войне надо быть готовым ко всему.

Нам приказали перейти в небольшую губу (бухту) неподалеку от Полярного. Здесь мы стали на якорь. Утром 12 октября, как обычно, проводили тренировки у механизмов. В девять часов объявили перерыв. Все свободные от вахты поднялись наверх. Курили, обсуждали сводку Совинформбюро, принятую радистами, радовались успешному продвижению наших войск.

Я прошел в ограждение рубки, чтобы проверить герметические штепсели. И в это время забухали орудия зенитной батареи, расположенной на берегу губы. Раздалась громкая команда вахтенного офицера:

— Артиллерийская тревога!

Слышу на мостике топот многих ног. Все, кроме артиллерийского расчета, кинулись вниз. Сейчас такая толкучка на мостике, что лучше переждать. Стою в надстройке, прислушиваюсь. Пронзительно ударила наша сорокопятка. И тут вдруг грохнул взрыв. Подбросило лодку, обрушило на нее тонны воды. Грязные струи через отверстия в надстройке хлынули на меня. А я опасаясь выходить из ограждения рубки: слышу, как по обшивке барабанят не то осколки, не то пули.

Новый удар так накренил лодку, что я чуть не вылетел в открывшуюся дверцу. Выбрался на барбет — узкую площадку вокруг ограждения рубки. И тут увидел пикирующий на лодку самолет с крестами и черную каплю, оторвавшуюся от его крыла. Истошно воя, бомба упала недалеко за кормой и подняла высокий черный столб воды и ила. Лодку страшно тряхнуло, и я избежал падения за борт только потому, что крепко ухватился за скоб-трап.

Наступившее после взрыва затишье позволило мне осмотреться. Первое, что я увидел, — это корабельный

флаг, лежавший на мокрой палубе. Вид его взволновал меня. Фашисты еще подумают, что мы перед ними свой флаг спустили! Подбегаю, подхватываю влажное полотнище и карабкаюсь на мостик. Там закрепляю флаг одним концом к тросу антенны, другим — к поручню.

Занятый этим делом, я сначала не заметил, что на мостике никого нет. Потом спохватился, кинулся к люку. А он закрыт, только вращается верхний маховик: командир задривает крышку.

В этот момент с шумом и водяной пылью вырвался воздух из клапанов вентиляции балластных цистерн, и корабль стал оседать в воду. Впервые в жизни мне довелось наблюдать, как погружается собственная лодка.

Убрав под козырек мостика ящик от прицела зенитки и полушубок, оставленные впопыхах матросами, снимаю с себя ватник и взбираюсь на сигнальную площадку, надеясь закрыть перископы и тем самым напомнить о моем существовании. Но оба перископа опущены. А мостик уже проваливается под воду. Натянув пониже на лоб фуражку, отталкиваюсь посильнее от мостика, чтобы не закрутило водоворотом.

Тут я и испытал, до чего же холодна вода в Кольском заливе! Зубы выбивают дробь, мышцы сводит судорогами. Надо двигаться, плыть. Но куда? На пустынный берег? Там сразу замерзну. Решил плыть к подводной лодке «Л-22», которая стояла поодаль в бухте: там хоть люди живые, помогут...

Послышалось завывание авиационных моторов. Из-за сопки вылетели два «фокке-вульфа», низко пролетели над местом погружения лодки. Видимо, хотели убедиться в результатах своего налета.

Я плыву. Стучат от холода зубы, рта не закрыть. Беспрерывно выплевываю соленую воду с примесью соляра (он разлился по поверхности моря, по-видимому, из поврежденных цистерн нашей лодки). Далеко отплыть не успел. Услышал шипение и плеск. Из воды показался сначала нос лодки (вот это дифферент!), потом рубка. Наконец выровнялась лодка. На мостике показались люди. Подплыв ближе, разглядел командира Никифорова, штурмана Кабанова и сигнальщика Дмитрия Еремина. Смотрят на меня удивленно. До

этого, похоже, моего отсутствия никто и не заметил.

Чем ближе к лодке, тем толще слой соляра. Задыхаюсь. Наверное, теперь насквозь пропитаюсь им, и в животе будет сплошной керосин.

Мокрая одежда тянет вниз, холод сковывает движения. С великими усилиями подплыл к борту, ухватился за край шпигата — выреза в обшивке легкого корпуса. С мостика спустился Еремин и, схватив за руки, вытащил на палубу. На воздухе еще холоднее, чем в воде. Спешу вниз. В центральном посту тьма. Ощупью добираюсь до щитка аварийного освещения и включаю рубильник. Загорелись тусклые лампочки. В их свете открылась безотрадная картина. В четвертом отсеке все койки сорваны с креплений и лежат кучей. В дизельном отсеке листы настила палубы встали дыбом. С трудом пробираюсь по этой полосе препятствий, хочу открыть дверь в свой шестой отсек, но она только немного подалась, а дальше никак. Оказывается, по ту сторону двери лежит груда кожухов, слетевших с рубильников ходовых станций. Кое-как протискиваюсь в щель.

В отсеке один Анатолий Панцов. Всю бомбежку он пробыл тут, не зная, что происходит наверху.

Запасливые мотористы притащили мне сухие штаны и рубаху. На ноги надеваю резиновые сапоги из химического комплекта. Прибежал фельдшер Сотников со стаканом неразведенного спирта. Предложил растереться им, но друзья сказали, что полезнее принять внутрь. Меня уложили, закутали в два полубубка. Но тут приказали готовить корабль к переходу в базу. Мы принялись проверять электрооборудование. От бомбежки сильно пострадала аккумуляторная батарея, особенно группа, расположенная в четвертом отсеке. От сотрясения лопнули эбонитовые баки элементов. Электролит из них вытек и смешался с соляром, который просачивался из треснувшей топливной цистерны и уже наполовину затопил аккумуляторную яму. В отсеке удушливо пахло серной кислотой.

Выбыли из строя все электроизмерительные приборы.

Заклинило оба центробежных насоса охлаждения дизелей, и из-за этого невозможно было пустить двигатели.

Вспучило щит ходовой станции правого гребного электромотора, ослабили на нем крепления шин и кабелей.

На правом гребном электромоторе оборвало анкерные болты, скрепляющие станину.

И все же после исправления отдельных повреждений мы снялись с якоря и под электромоторами, управляемыми вслепую (без приборов), перешли в Полярное.

Мое вынужденное купание продолжалось минут двадцать...

Так что же произошло в то утро?

Когда я был в надстройке, над бухтой появились четыре вражеских самолета. Один за другим они пикировали на лодку, сбрасывая двухсотпятидесятикилограммовые бомбы и ведя огонь из пушек и пулеметов. Не желая рисковать, командир решил погрузиться. Люди поспешно покидали мостик. Впопыхах кое-кто получил серьезные ушибы. После взрыва первой бомбы в отсеках погас свет. Мерцали только огоньки ручных фонариков. Никаких распоряжений из центрального поста не поступало, это еще больше нервировало людей.

Мы убедились, что организация службы у нас еще далеко не на высоте.

Вражеский налет сорвал все наши планы. Вместо боевого похода нас опять ждал ремонт. Лодку поставили в док.

И снова мы увидели, с какой самоотверженностью трудятся рабочие плавучей мастерской. У них не хватало оборудования, самые тяжелые работы приходилось выполнять вручную. У нашей лодки сильно пострадали кормовые горизонтальные рули. Перо одного из них — огромная металлическая плоскость — было исковеркано и порвано, словно лист бумаги, а баллер (ось руля) согнуло в дугу. Рабочие на костре разогрели толстый стальной вал и кувалдами выправили его. Эта работа заняла полтора суток. Рабочие трудились бесменно, пока не справились с делом. Электросварщик тем временем сварил перо руля. Все полтора суток он тоже работал без отдыха.

Надо прямо сказать, если бы не трудовая доблесть, изобретательность и изумительное мастерство рабо-

чих, наши корабли не смогли бы вести боевые действия. Рабочий класс всю войну был в одном строю с фронтовиками.

Вместе с рабочими мы работали с утра до ночи. Но ремонт подвигался медленно. Настроение у нас было неважное. Наши товарищи по дивизиону, пришедшие на Север в одно время с нами, уже побывали в боевых походах, на их счету появились потопленные вражеские корабли. А у нас все не клеится.

Партийная организация предложила обсудить уроки вражеского налета. Командир заявил, что не надо. Он стал угрюмым и раздражительным. Раньше редко заглядывал к матросам, а теперь совсем перестал. Меня он так и не спросил, как я оказался за бортом.

Выйдя из дока, встали в губе Оленьей возле плавбазы «Память Кирова». Это бывшее промысловое судно, на котором разделявали рыбу, насквозь пропахло треской. Долго мы не могли привыкнуть к острому, неприятному запаху. А потом смирились с ним и основательно обжили просторное судно. Матросы придумали названия всем его уголкам, и, слушая их разговор, можно было подумать, что живут они не на судне, а в большом городе. Проход к хлебобрезке стал Хлебным переулком, коридор, где находятся баня и душ, теперь назывался Банным переулком, закоулочек, упирающийся в дверь прачечной, — Прачечным тупиком. Названия имели и все жилые кубрики. А широкую палубу бака (на носу судна), где мы занимались строевой подготовкой, моряки прозвали площадью Урицкого.

С правого борта плавбазы расстилалась свинцовая гладь бухты, а левый борт почти упирался в завьюженный обрывистый берег, на который не всякий ловкач мог взобраться и на который все же карабкались все, кому по делам приходилось направляться в Полярное, а попутного катера не оказывалось.

Мы опять отрабатывали организацию службы, тренировались на боевых постах, тщательно проверяли материальную часть.

А война шла. Миллионы людей сражались на фронтах. Выходили в море, дрались с врагом наши товарищи. У нас опять горе. Не вернулась из боевого

похода «С-55», пришедшая на Север с Дальнего Востока. Бригада потеряла прекрасно подготовленный, мужественный экипаж, возглавляемый отважным командиром Львом Михайловичем Сушкиным. Погибли в этом походе и мои старые сослуживцы Сергей Балашов, Николай Голубев, Степан Гридин, Енок Эскузян.

Слезы навертываются на глаза, и злость душит. Гибнут друзья, а мы, вместо того чтобы отомстить врагу за их гибель, стоим в базе!

Нечего удивляться, что на встрече 1944 года у нас не хватало веселья. Собрались в кубрике плавбазы, в полночь прослушали по радио первое исполнение нового государственного гимна. А потом пели и танцевали под аккомпанемент единственной балалайки, на которой по очереди играли моторист Петр Добряк и старший инженер-лейтенант Коломиец.

Стали готовиться в свой первый боевой поход. И опять почувствовали неладное. Слишком много суматохи. Приказания поступали самые противоречивые. Одно и то же переделывали по несколько раз.

Внезапно приказали дополнительно погрузить двадцать резиновых мешков с дистиллированной водой. Мешки тяжелые, по тридцать килограммов, неудобные для переноски. В спешке один мешок разорвали в рубочном люке, окатив водой оказавшихся внизу матросов. Ледяной душ не на шутку разозлил пострадавших, и они в сердцах пихнули рванный мешок в трюм. Эти резиновые лохмотья в походе еще напомнили нам о своем существовании.

Потом пришел приказ взять с собой два баллона с кислородом «на всякий случай». Их притащили к нам в шестой отсек, положили на палубу возле компрессоров и наспех привязали к станинам.

Так мы суетились до самого последнего часа. Еще до выхода в море все устали так, что еле держались на ногах.

С тревогой приглядывались мы к нашему командиру. Не с руки матросу критиковать командира, но уж очень многое нам в нем стало не нравиться. М. И. Никифоров когда-то убеждал нас, что, как только придем на Север, сразу «вжарим немцу по первое число». А первые же неудачи обескуражили его. Он

утратил веру и в свои силы, и в силы коллектива, стал груб с подчиненными и почти перестал с ними разговаривать. А хуже всего — начал попивать... И на этот раз выход в море задержался почти на три часа из-за того, что Никифоров был крепко навеселе.

Немного нас ободряло, что обеспечивающим с нами идет опытный подводник командир нашего дивизиона капитан 2 ранга П. И. Егоров.

Стояла полярная ночь. Строго обусловленным фарватером, проложенным через минные заграждения, лодка направилась к выходу в открытое море. Прозвучал длинный ревун — сигнал срочного погружения.

В мирное время на подводных лодках действовало много различных сигналов, в которых даже старослужащие моряки подчас не могли разобраться. Война из всех сигналов оставила один — «Срочное погружение». И оказалось, что других и не нужно.

Как только зазвучит ревун, вся верхняя вахта ныряет вниз. Командир покидает мостик последним и задраивает крышку люка. Старшина трюмных приводит в действие пневматические приводы кингстонов и клапанов вентиляции балластных цистерн. Мотористы останавливают дизели, закрывают их газоотводы, разобщают муфты, соединяющие дизели с линиями гребных валов. Электрики дают полный ход электромоторами. Боцман ставит на погружение рули глубины. Вахтенные по отсекам наблюдают за работой механизмов, состоянием трюмов и магистралей. Все это делается без каких-либо дополнительных команд или сигналов. Каждый знает, что должен делать. Ошибаться нельзя — можно погубить весь корабль.

Срочное погружение в устье Кольского залива диктовалось суровой необходимостью: здесь часто дежурили вражеские подводные лодки.

Всплыли мы далеко от наших берегов, в надводном положении продвинулись еще на север, потом повернули на запад и наконец на юг. Этот большой крюк тоже вызывался соображениями безопасности: мы оставляли в стороне позиции вражеских подводных лодок и обильные минные заграждения, выставленные противником вдоль своих прибрежных коммуникаций. Только к исходу вторых суток плавания мы достигли кромки минного поля, прикрывающего под-

ходы к норвежскому берегу. Здесь мы и должны были «охотиться».

Полярная ночь способствовала скрытности нашего перехода. Однако темнота, продолжающаяся в это время года на Севере более двадцати часов в сутки, и мешала нам: усложняла поиск противника, увеличивала опасность столкновения с плавающими минами. Зима — трудное время для подводников.

Жизнь в походе быстро вошла в размеренное русло. Экипаж разделился на три боевые смены: одна находится на вахте, остальные отдыхают.

В боевом походе на мостик поднимаются только командир, вахтенные офицеры и сигнальщики. Остальные все время внизу. Мы за все плавание не увидим ни моря, ни солнца, ни звезд. Знаем только свой отсек с его низким сводчатым потолком, холодным светом электрических ламп и неизбежной духотой.

В короткие часы, когда лодка всплывает в надводное положение, деление на боевые смены нарушается. Работы хватает всем. Мотористы и электрики обеспечивают движение лодки и ведут зарядку аккумуляторной батареи. Трюмные машинисты спешат пополнить запасы воздуха высокого давления, осушить трюмы и провентилировать отсеки. Радисты, оседлав головы наушниками, вслушиваются в эфир — не прозевать депеш из штаба. Кок спешит приготовить пищу, а также вынести из камбуза мусор, которого за сутки накапливается уйма. Истрадавшиеся курильщики нещадно дымят махоркой в центральном посту: курить разрешается только здесь и только тогда, когда лодка всплывает на поверхность.

К концу зарядки штурман в последний раз определяет место лодки. И снова ревун срочного погружения, продолжается наша подводная жизнь.

Но отдыхать никто не уходит. Покинув район зарядки, лодка форсирует минное поле. Объявляется готовность номер один. Все находятся на боевых постах. Это самые томительные часы. Люди устали. Тишина, духота и монотонное гудение гребных электромоторов угнетают и убаюкивают. Обопрется матрос плечом на что-нибудь и спит. Ребята засыпают мгновенно, подчас в самых неудобных позах. Тормошу их, ругаю. Очнется парень, засуетится, а через минуту взглянешь на

него — опять дремлет. Я все эти три с половиной часа, пока лодка форсирует минное поле, ни разу не присаживаюсь. У меня уже прием выработался: стою на одной ноге. Так никогда не уснешь. Нога, на которой стоишь, быстро устает, приходится менять ее. Вот и прогоняешь сон.

Часы форсирования минного поля — самые тяжелые в круговороте вахт и различных готовностей, следующих беспрерывно в течение всего похода.

Но вот минное поле пройдено. Лодка всплывает на перископную глубину. Объявляется готовность номер два. На вахту заступает очередная смена. Свободные идут отдыхать.

Под водой лодка находится долго, пока хватает энергии аккумуляторов и воздуха для дыхания людей. В это время моряки, не занятые на вахте, или спят, или читают, или играют в шахматы — игру, наиболее подходящую в тишине отсеков. Домино — «морской козел» — в походе не пользуется успехом: весь его смак — в громоподобном стуке костяшек о стол, а в подводном положении всякий шум строжайше запрещен.

В соседнем с нами дизельном отсеке полумрак и густой едкий туман от испарений машинного масла. Когда лодка под водой, этот отсек превращается в сушилку — на горячих еще дизелях развешана мокрая одежда верхней вахты.

Зато в нашем, электромоторном отсеке ярко горит свет, тепло и уютно. Сюда тянутся все — почитать, поболтать, а то и просто подремать в тепле. Сигнальщики, оставив в дизельном отсеке промокшую одежду, в одних тельняшках расстегиваются прямо на палубе и, блаженно покряхтивая, наслаждаются теплом.

Уют шестого отсека действует как магнит. Когда лодка идет в подводном положении, здесь людно, слышны шутки, всякая «морская травля», обсуждаются планы на будущее. Это если не клуб, то по крайней мере красный уголок лодки.

Недаром в соседнем, седьмом отсеке, где совершенно другой «климат», матрос-вахтенный, одетый в полушубок и малахай с опущенными ушами, устраивается поближе к переборочной двери и с воодушевлением заглядывает к нам в щелку. Койки седьмого

отсека почти всегда пустуют: спать на жесткой, но теплой палубе матросам нравится больше, чем на мягком, но насквозь промерзшем матраце.

Люди сильно изменились внешне. Отправлялись в плавание чистые, побритые. Теперь же из-за ограниченных запасов пресной воды умывание стало роскошью. К тому же, когда стирается всякое понятие о дне и ночи, когда и спать-то приходится урывками, подчас не больше тридцати — сорока минут, бывает не до умывания. Протрешь лицо и руки ветошью — и скорее на боевой пост. Кое у кого лицо, шея и руки покрылись темным налетом — «подводным загаром». Стали отрастать бороды и усы. Электрик Ануфрий Мозольков поглаживает густые бакенбарды («как у Айвазовского»).

Нарушился привычный распорядок дня. Горячую пищу теперь можно готовить только во время зарядки батареи, когда много избыточной энергии (плита нагревается электричеством). А море редко бывает спокойным. Поэтому те матросы, которые еще не привыкли к качке, не берутся за ложки, пока лодка не погрузится. За еду они принимаются только в тишине подводного плавания.

В условиях полярной ночи мы всплываем на поверхность в разное время суток, поэтому нередко обедаем в конце ночи, а ужинаем в полдень. Правда, на камбузе всегда есть какая-нибудь еда и горячий чай.

Много хлопот нам с аккумуляторной батареей. Она сильно «газует» — выделяет водород. Установили дополнительно приборы окисления водорода, но количество его не убывает. Концентрация газа достигает взрывоопасной. Электрики Тихонов и Мозольков почти не вылезают из аккумуляторных ям, следят за всеми приборами: малейшая искра грозит взрывом.

Сутки проходят за сутками, а море пустынно. Ни один корабль противника не показывается в нашем районе.

Так и протекало все наше плавание. Тихо, без особенных событий. Хотя нет, было два случая, чуть не закончившихся бедой.

Однажды, «загоняя» лодку под воду, трюмные создали такой дифферент на нос, что почти все подводники попадали с ног. В нашем отсеке вахтенные Арка-

дий Комков и Иван Козлов скатились к носовой переборке и тщетно пытались добраться до ходовых станций. А дифферент все увеличивался. Я чудом удержался, ухватившись за рукоятки рубильников. Распоряжений из центрального поста не поступало. На свой страх и риск произвожу переключения и даю полный назад сначала одним, а затем и вторым электромотором.

И вдруг мой взгляд упал на кислородные баллоны, лежащие на палубе. Плохо привязанные, они медленно скользили по круто наклонившейся палубе. Того и гляди сорвутся. С ужасом я сообразил, что тогда будет. Тяжелые баллоны покалечат Комкова и Козлова. Это в лучшем случае. А в худшем — взорвутся от удара, тогда всем нам не поздоровится.

Кидаюсь на баллоны грудью, ухватившись руками за край открытого лаза в палубе, а ногами уперевшись в толстый пук кабелей, отходящих от электромотора. Баллоны так надавили на грудь, что у меня остановилось дыхание. Не знаю, что было бы дальше, но баллоны внезапно стали легче. Значит, дифферент убавляется. Еще немного — и лодка выровнялась. Из центрального отсека скомандовали: «Малый вперед!» На этот раз обошлось...

Но через несколько дней случилось нечто более серьезное. Закончили зарядку батарей, пришло время погружаться. Старшина трюмных Андрей Еремин, как всегда, ждал, когда командир закроет крышку люка. Вот Никифоров спустился на ступени скоб-трапа, захлопнул крышку и повернул маховик. Еремин нажал ревун, давая сигнал срочного погружения, и пневматическим манипулятором открыл приводы кингстонов и клапанов вентиляции. Лодка стала быстро погружаться. И в этот момент из шахты люка хлынула забортная вода.

Никифоров растерялся и не смог подать нужной команды. А вода продолжала хлестать в отсек.

Павел Ильич Егоров, находившийся во втором отсеке, почувствовал, что в центральном посту происходит что-то неладное. Стремглав побежал туда. Разобравшись, в чем дело, крикнул Еремину:

— Всплывай!

А сам кинулся к шахте. Сквозь поток воды забрался в боевую рубку, чтобы закрыть нижний люк шахты, но тут лодка всплыла. Егоров открыл злополучную крышку. Под ней оказалась неизвестно откуда взявшаяся эбонитовая оправа окуляра бинокля, поэтому крышка и не закрывалась плотно.

— Вот как можно запросто погубить корабль, — сказал комдив.

В центральном посту вода стояла по колено. Все промокли и основательно продрогли. Только боцман Васильев, сидевший у штурвалов горизонтальных рулей, сумел высоко поднять ноги, обутые в валенки, и остался сухим.

Пустили центробежный насос. Но он работал вхолостую. Молодой матрос Николай Тимофеев, пожившись, прыгнул в затопленный трюм. Несколько раз нырял, пока не нашел приемный патрубок. Наконец вынырнул с куском резины в руках. Проклятый резиновый мешок мстил нам за пренебрежение к себе. Он плотно закрыл отверстие патрубка и не пускал в него воду. Николай Тимофеев нырял много раз, пока полностью не очистил приемный патрубок. Снова запустили насос, и отсек был осушен.

Мы в своем шестом отсеке узнали обо всем этом, когда к нам потянулись греться мокрые, озябшие моряки из центрального поста. Они и рассказали нам о том, как растерялся командир, и о том, что только энергичное вмешательство комдива да мужество и мастерство инженеров Саваренского и Коломийца, трюмных Еремина, Бодрягина и Тимофеева спасли лодку.

Случай этот окончательно поколебал нашу веру в командира. А это страшно на подводной лодке. Да, наверное, везде это страшно. Матрос и солдат всегда выполняют любой приказ командира, даже ценой своей жизни. Этому обязывает присяга. Он спасет командира в бою — это тоже веление присяги, воинский долг. Но плох тот командир, который полагается только на требования долга и не заботится о том, чтобы подчиненные уважали и любили его, чтобы каждый его приказ они выполняли не только умом, но и сердцем...

Никто из нас уже не надеялся на успех. Изменилось настроение людей, все стали хмурыми и молча-

ливыми. На наше счастье, скоро пришла радиограмма с приказом покинуть позицию.

На девятнадцатые сутки плавания мы были в Кольском заливе. В базу входили без салюта, тихо, незаметно. Неприятно возвращаться из боевого похода без победы...

Спустя несколько часов после того как мы сошли на берег, стало известно, что Никифоров отстранен от должности. Суровое, но справедливое решение. Нельзя доверять корабль и жизни людей человеку, который не осознал до глубины души, какое это высокое и обязывающее звание — командир!

Теперь мы гадали: кого нам пришлют вместо Никифорова? Эх, назначили бы настоящего, боевого командира!

Сперва был разговор, что это будет капитан 3 ранга Хрулев с подводной лодки «М-105» — смелый и удачливый командир, на счету которого уже не один потопленный вражеский транспорт. Мы знаем, что подчиненные в нем души не чают. Но Хрулев не захотел расставаться со своим экипажем. Заявил, что лучше в пехоту рядовым, чем на другую лодку. И его оставили в покое.

Настал день, и на нашей лодке появился высокий худощавый офицер. На груди его поблескивали орден Красного Знамени и медаль «За оборону Ленинграда».

Это был Василий Андрианович Тураев.

Мы сразу же почувствовали его твердую руку. Убедились, что он требователен, непримирим к недостаткам и в то же время скромен и сдержан. А за молчаливостью и некоторой замкнутостью матросы быстро разглядели душевность, умение ценить и уважать людей.

Мы все узнали о нем. Родился в 1907 году в деревне Масловке, Воронежской области, в бедной крестьянской семье и рано познал труд земледельца. На флот попал по комсомольскому набору в 1926 году, служил матросом на подводной лодке. Потом окончил военноморское училище, а перед самой войной — военноморскую академию. Успешно воевал на Балтике. Подводная лодка «С-12» под его командованием потопила три крупных вражеских корабля. Возвращаясь из последнего похода, «С-12» подорвалась на mine. Под

руководством опытного командира моряки сумели спасти поврежденный корабль и довести его в базу.

Вот какой он, капитан 3 ранга Тураев! Крепко нам повезло! Хотя служить нам, прямо скажем, стало труднее, чем раньше. Теперь мы каждый день выходили на полигон. Новый командир нещадно гонял нас, отрабатывая до мелочей все тактические элементы, особенно срочное погружение.

Раньше мы терпели отдельные «капризы» механизмов и приборов. Тураев потребовал, чтобы ничего такого не было, все на лодке должно работать безотказно, без всякого норова! Дошла очередь и до аккумуляторной батареи. Командир приказал инженер-механику Саваренскому, Тихонову, Мозолькову и мне запереться на сутки во втором аккумуляторном отсеке, выключив вентиляцию, и понаблюдать за батареями. Это были страшные сутки. Мы и не подозревали, что наши аккумуляторы так бурно выделяют водород. Приборы не успевали окислять и незначительную часть его. К концу испытания водорода скопилось столько, что мы чувствовали себя сидящими на бочке с порохом. Приговор был единодушный: батарею на слом!

На лодке установили новую батарею. Это была очень тяжелая работа — выгрузить старые и установить десятки новых элементов, каждый из которых весит не одну сотню килограммов, протаскивая их через узкие люки и горловины. Бригады моряков, возглавляемые Андреем Климовичем Ереминым и мной, справились с делом сравнительно быстро.

Мы опять готовимся к плаванию. Теперь подготовка проходит более организованно. Тураев стремится предусмотреть буквально все, что нам понадобится в походе, и в то же время беспощадно отделяется от всего лишнего. Он учитывает и то, что моряк должен идти в море бодрым и жизнерадостным. Поэтому все работы планируются так, чтобы перед выходом в плавание двое суток оставалось для отдыха людей.

На лодке не наблюдалось никакой суеты. Все было завершено в отведенное командиром время. Оставалось только запустить механизмы и отдать швартовы. Это мы и сделали 13 апреля 1944 года.

Тринадцатое число несчастливое, намекнули мы командиру. Он улыбнулся, сказал, что в дурные приметы не верит и нам не советует.

И все же и в этом походе нам опять не повезло. Весь путь до позиции трепал жестокий шторм. От сильной качки вышел из строя гирокомпас. Исправить его своими силами не смогли. Пришлось возвращаться. Пришли в базу поздно ночью. На пирсе нас уже ждали командир бригады И. А. Колышкин и специалисты по ремонту штурманских приборов. Быстро исправили поломку. Вечером мы уже снова тронулись в путь.

Середина апреля — это уже весна. И хотя в Заполярье в это время весной и не пахнет и зима остается полноправной хозяйкой, ночи уже становятся светлыми и прозрачными.

Такой вот прозрачной ночью мы и продолжили прерванный поход, точнее, начали новый поход, если учесть, что для подводной лодки самое трудное — выйти из базы и вернуться в нее, так как при этом надо преодолеть районы, где наиболее всего вероятна встреча с вражескими подводными лодками или столкновение с минами. Насколько эта опасность реальна, мы убедились в ту же ночь.

Миновав в подводном положении устье Кольского залива, всплыли северо-западнее острова Кильдин и пошли под дизелями. На мостике заступили на вахту помощник командира Степан Степанович Калибров и сигнальщик старший краснофлотец Иван Медарь. Вскоре зоркие глаза Медаря увидели пенную дорожку, стремительно приближающуюся к лодке. Да это же торпеда! Не первый раз, правя сигнальную вахту, Медарь своей бдительностью и необычайно острым зрением спасает корабль. Плавающую мину, вражеский самолет он всегда первым заметит. Вот и сейчас...

Услышав доклад сигнальщика, Калибров командовал рулевому: «Право на борт!» Афанасий Марков четко выполнил команду. Лодка резко повернула, и торпеда пронеслась всего метрах в восьми от борта.

Погружаемся. Акустик Павел Сергеев докладывает, что слышит шум винтов вражеской лодки. Вступать в поединок с ней — безнадежное дело: трудно

попасть торпедой в лодку, которая находится на глубине. Немцы это тоже понимают и не повторяют атаки. Однако часов до шести утра наши акустики слышали шум винтов подводной лодки. Потом он замер в стороне. По-видимому, вражеской лодке не хватило энергоресурсов, и она отказалась от преследования.

Мы всплыли и уже без помех двинулись на запад.

И в этом походе мы тщетно ждали команду «Пли!». Море было пусто. Ни одного фашистского судна! Много дней мы плавали вдоль побережья и ничего не нашли.

Нас изумляла выносливость нового командира. Когда он отдыхал? Все время, пока лодка двигалась на поверхности моря, командир стоял на мостике. Его куртка-канадка выцвела от ветра и брызг, покрылась коркой соли. Изредка он спускался в центральный пост, усаживался на разномыслие прямо под открытым люком и просил принести ему что-нибудь перекусить. Пока кок бежал на камбуз, капитан 3 ранга закрывал глаза и сразу засыпал. Сон продолжался минут десять — пятнадцать. Потом командир просыпался, съедал, что принес ему кок, и снова поднимался на мостик.

Когда лодка погружалась, командир подолгу просиживал в крошечной рубке гидроакустиков, прослушивая море. Потом обходил отсеки, беседовал с матросами, шутил вместе с ними, подбодрял уставших.

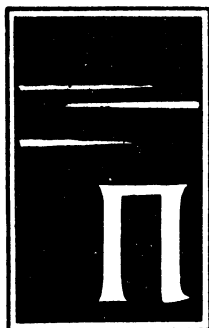
Наши симпатии к командиру росли с каждым днем, и мы были уверены, что боевого успеха добьемся обязательно, и очень переживали, что плавание и на этот раз было безрезультатным. Командир успокаивал наиболее нетерпеливых:

— Побеждает тот, у кого нервы крепче и кто умеет ждать.

7 мая мы вернулись в Полярное, так и не увидев ни одного вражеского судна. Снова ремонт, снова подготовка к походу. И только в июне наши торпеды достигли цель. Как это случилось, читатель уже знает.

Видите, каким долгим и трудным оказался наш путь к боевому успеху. Это была дорога длиной в три года.

КАРСКОЕ МОРЕ

Перед самым отправлением в поход, который завершился потоплением трех вражеских кораблей, меня приняли в члены партии. И когда мы вернулись в базу, заместитель начальника политотдела бригады Павел Иванович Петров, встретив меня на пирсе, пошутил:

— Давно надо было. Видишь, получил партийный билет и сразу с победой вернулся.

Это он к тому, что я намного просрочил свой кандидатский стаж: все ждал, когда наш корабль откроет боевой счет, а мы все отличимся в схватках с врагом.

Теперь мы ходим именинниками. Не было ни гроша, да вдруг алтын! На рубке нашего корабля появляется алая звезда с цифрой три посередине. Несмотря на прохладную погоду, мы все щеголяем без бушлатов — чтобы орден на груди был виден.

Наш командир В. А. Тураев стал капитаном 2 ранга. Николай Карпов, Петр Берендаков и я стали мичманами. Новые звания тем дороже, что мы теперь носим погоны.

На лодке произошли перемены. Ушли на учебу штурман Николай Кабанов и военфельдшер Анатолий Сотников. Пришел к нам новый командир минно-торпедной боевой части капитан-лейтенант Александр Герасимович Козин. Несмотря на солидное звание, он только начинает службу на кораблях. Окончив в 1941 году военно-морское училище, Козин попал на сухопутный фронт, воевал в лесах Карелии. Конечно, он за эти годы многое забыл, но зато развил неопределимые качества — упорство, неиссякаемое трудолюбие. И в обращении прост и сердечен. Он быстро снискал искреннее уважение подчиненных, особенно тем, что не стеснялся обращаться за помощью к старшинам и матросам, учиться у них.

Июль и часть августа мы ремонтировали корабль. Долго возились с электромотором носовых горизонтальных рулей. Установленный в трюме под торпедными аппаратами, он так отсырел, что изоляция его обмоток стала пропускать ток. Вообще мотор часто капризничал. Случалось, что он даже самопроизвольно работал в надводном положении, когда горизонтальщики и не прикасались к кнопкам электрического управления.

Электромотор сняли, доставили в мастерскую базы. Там его якорь и катушки статора выварили в кипятке, пропитали лаком и сунули в печь. Но нормально просушить не успели. Поздним воскресным вечером, когда почти все моряки были в увольнении, инженер-механик С. С. Саваренский распорядился привести носовые рули в полный порядок.

Я разыскал Мозолькова, и мы отправились в мастерскую. Электромотор по частям (в раскаленном состоянии) доставили на лодку и начали собирать. Провозились всю ночь.

Эту ночь вообще никто не спал. Матросы, возвратившиеся с берега, быстро переоделись в рабочую одежду и начали грузить продукты и прочие запасы, опробовать и готовить к действию механизмы.

Утром мы вышли в море. Дифферентовались без носовых рулей — мотор мы еще не успели установить. Закончили работу уже в походе.

Только теперь мы узнали, почему с такой поспешностью нас послали в плавание. На трассе Северного морского пути разбойничают вражеские подводные лодки, нападая на наши караваны, идущие с Дальнего Востока. Нам надлежало обезвредить фашистские субмарины у северной оконечности Новой Земли — мыса Желания, если они попытаются пройти в Карское море.

Соблюдаем все меры предосторожности. В надводном положении двигаемся только противолодочным зигзагом, постоянно меняя курсы. Это значительно удлиняет путь, но делает его более безопасным. Изредка погружаемся, чтобы дать акустикам возможность лучше прослушать море. Когда вокруг шныряют вражеские лодки, держи ухо востро!

Боцман Васильев, спустившись с мостика, где нес сигнальную вахту, пришел погреться в наш отсек. Он рассказал, что на горизонте открылись заснеженные гористые берега. Это — Новая Земля.

Пересекли семьдесят седьмую параллель. Никто из нас еще не бывал в таких высоких широтах. Хотя бы одним глазком взглянуть, что там, наверху! Нельзя. Наш удел — весь поход просидеть в стальной коробке отсека.

Занимаем позицию у мыса Желания. В этих местах подводная лодка нашего дивизиона «С-101» в прошлом году торпедировала фашистского подводного пирата. Немецкая лодка называлась «U-639». Наши моряки вытащили из воды труп ее командира. А примерно через месяц после этой победы здесь же погибла «К-1» с нашими товарищами. Далекий район моря стал ареной ожесточенной борьбы. Вот почему от нас требуется сугубая бдительность.

А вообще-то плавать в этих широтах удобно. Часто встречаются слои воды с большой разницей в температурах. Попав между такими слоями, лодка ложится на так называемый «жидкий грунт» и прочно удерживается на месте, не погружаясь и не всплывая. И так она может недвижимо стоять длительное время, что сберегает много электроэнергии, а следо-

вательно, и моторесурсов, и топлива. Значит, есть возможность дольше пробыть на позиции.

Когда лодка лежит на жидком грунте, в отсеках устанавливается идеальная тишина. Это создает дополнительные удобства акустикам при прослушивании забортных шумов.

Если кто недоволен пребыванием на жидком грунте, то это мы, обитатели шестого отсека. Из-за того что электромоторы работают мало, у нас становится холодно. А мы привыкли к теплу, избаловались, изнежились.

На лодке установился походный ритм жизни. Свободного времени у каждого более чем достаточно. Матросы много читают, благо командир позаботился, чтобы побольше взяли с собой книг. Литературы хватает, но Валентин Болгов и на этот раз взял с собой потрепанный томик рассказов А. П. Чехова. Кажется, сколько можно читать одно и то же? А мы читаем и каждый раз находим что-то новое, чего раньше не замечали.

С приходом к нам В. А. Тураева изменился внешний вид моряков. «Подводного загара» больше ни у кого не заметите. Все аккуратно умываются, бреются. Сам командир всегда чисто побрит, подтянут.

У нас в отсеке состоялся небольшой праздник. Мы торжественно отметили день рождения Аркадия Комкова. Устроили праздничный обед. Кок Семен Стецюк испек для юбиляра сладкий пирог. На порожнем ящике мы накрыли стол, сердечно поздравили Аркадия и добросовестно разделились с вкусным пирогом. Пусть праздник получился очень скромным, но Аркадий, наверное, никогда не забудет свой день рождения, отмеченный в далеких водах Арктики.

Несколько дней прожили спокойно. Но однажды акустики Павел Сергеев и Евгений Новиков услышали шум винтов далеко идущего корабля. Подводники оживились. Электромоторам был дан полный ход. Лодка пошла на сближение с целью. Из центрального поста скомандовали: «Торпедная атака!»

Акустики уточнили шумы: идет под дизелями подводная лодка. Наверное, та самая, что пиратствовала здесь. Электромоторы работают на полную мощность, уже аккумуляторы стали садиться, а до цели

все далеко. Даже всплыв, пожалуй, не догоним. Расстояние между нами и противником растет. И командир скрепя сердце приказывает дать отбой тревоги.

Вскоре акустики снова доложили о подозрительных шумах. Опять тревога и полный ход. На этот раз цель настигаем быстро. Только акустики никак не разберутся в шумах. Что-то не то! Командир поднимает перископ и настораживается. Силуэт подводной лодки! Совсем близко! Но вглядывается спокойнее командир и видит: вовсе это не лодка, а огромная льдина, своими очертаниями очень смахивающая на всплывший подводный корабль. Плывет такая глыба льда да еще издает шум, как настоящая субмарина...

На исходе август. Скоро и полярная зима. Льдин теперь будет все больше.

И опять монотонные, однообразные будни.

В длительном плавании трудно приходится мотористам. Многие сотни миль мы прошли, пока добрались до позиции. А впереди еще долгое крейсерство в Карском море и обратный путь... Мотористы не знают покоя: то следят за работой дизелей, то осматривают их, регулируют, готовят к новому пуску.

Как назло, в самом начале похода прогорел компенсатор газоотвода левого двигателя. Это ребристый цилиндр, вмонтированный в трубу газоотвода и предохраняющий ее от деформации при нагревании. Теперь, когда волна заливает выхлопное устройство, раскаленные газы через дыру в компенсаторе врываются в отсек. Мимо дизеля страшно стало ходить: дым, искры бьют в лицо. Подойдя к опасному месту, мы приседаем, закрываем глаза — и броском в переборочную дверь.

Переборка от выхлопных газов так нагревается, что даже в нашем отсеке белая краска на ней стала походить на подрумяненный блин. Переживаем за механизмы и приборы, расположенные на этой переборке: как бы не испортились от жары.

Старшина мотористов Николай Карпов долго бился с прогоревшим компенсатором, но дыру заделать так и не удалось. Во время работы дизелей мотористы задыхаются в дыму. И все-таки когда лодка всплывает, в их отсеке полно гостей: в надводном положении здесь разрешается курить. Покуриваем мы

молча, потому что из-за грохота дизелей все равно разговора не получится. У мотористов курильщикам лучше, чем в центральном посту, где в это время выключен весь свет, кроме лампочки над штурманским столом, а вдобавок сыро и холодно, через раскрытый рубочный люк врывается ветер, а в свежую погоду может окатить и ледяной водой.

Воет ревун срочного погружения. Наступает благословенная тишина. Объявляется готовность номер два, все свободные от вахты отправляются отдыхать.

Выбрав свободный час, прохожу по кораблю, собираю заметки для боевого листка. В походе мы выпускаем его каждый день. Парторг мичман Андрей Климович Еремин строго следит за этим. Он стал очень требовательным, добивается, чтобы каждый коммунист вел партийную работу. У Еремина много забот. После того как на лодках не стало комиссаров, вся партийно-политическая работа легла на плечи командиров и парторгов. А у Еремина ведь еще основная должность есть — он старшина группы трюмных, служба у них беспокойная и ответственная. И сейчас мне с ним приходится обсуждать план очередного боевого листка прямо у станции погружения и всплытия — Еремин ни на минуту не может отойти от своего боевого поста. Разговариваем вполголоса. В центральном посту все так разговаривают. Тихо отдаются команды. Тихо звучат доклады.

Боцман Васильев (он же старшина группы рулевых-сигнальщиков), не сводя глаз с дифферентомера и глубиномера, время от времени нажимает на кнопки манипуляторов горизонтальных рулей.

Вахту на вертикальном руле несет Дмитрий Еремин, однофамилец нашего парторга. Это превосходный мастер своего дела. Еле заметными движениями он удерживает корабль строго на заданном курсе. Лодка идет словно по натянутой нитке. Дмитрий — старый североморец. Он еще до войны начал здесь службу на подводной лодке «М-173», хорошо знает и любит студеное море.

Возле трапа стоит Иван Медарь. Дожидается всплытия, чтобы занять свое место на сигнальном мостике.

Рулевые-сигнальщики, пожалуй, самый ответственный народ на лодке. Когда мы идем в надводном положении, сигнальщики — глаза корабля. С первых минут похода и до самого возвращения в базу они всегда начеку. Служба их тяжела. Не так-то просто простоять четыре часа вахты на маленькой площадке, приваренной к ограждению тумб перископов, под ледяным ветром и колючими брызгами и до боли в глазах вглядываться в морскую гладь — или ослепительно сияющую под солнцем, или скрытую тьмой и туманом.

Сигнальщика будят на вахту на четверть часа раньше других. В центральном посту он облачается в толстую, неудобную и всегда влажную одежду (она не успевает просохнуть). Затем минут десять — пятнадцать сидит в боевой рубке в абсолютной темноте, чтобы глаза привыкли. Поднявшись на мостик, он еще четверть часа стоит со своим напарником, которого должен сменить, — это чтобы окончательно освоиться с ночной темнотой. Под морозным ветром одежда на сигнальщике покрывается коркой льда. К концу вахты он похож на снежную бабу. Сдав вахту, сигнальщик выпивает стакан горячего чая и спешит к нам в шестой отсек — отогреться, отдохнуть в тепле.

Заглядываю во второй отсек. Здесь проводит беседу рулевой Сергей Петров — неумолимый активист, прекрасный агитатор. Матросы слушают его затаив дыхание, а потом незаметно втягиваются в разговор, умело направляемый Петровым. Сергей впоследствии поступит в политическое училище и станет хорошим политработником. А сейчас, увидев меня, он, не прерывая беседы, достает из нагрудного кармана сложенный лист бумаги и подает мне. Петров — наш активный военкор, его заметки печатаются почти в каждом боевом листке. В маленькой выгородке, где расположен максимальный автомат батареи, копается Ануфрий Мозольков. У него всегда полно дел. Его заведование — носовая группа аккумуляторной батареи и слаботочные приборы — всегда в отличном состоянии. Ануфрий до педантизма аккуратен. Четыре ящичка с инструментами для слаботочных приборов он хранит как драгоценность, не позволяя никому прикасаться к ним. Даже мне, когда я прошу у него ка-

кой-нибудь торцовый ключик, он устраивает форменный допрос: зачем мне понадобился этот ключ, да знаю ли я, как им пользоваться. И обязательно напоминает, чтобы я не забыл возвратить взятый инструмент.

Сменяясь с вахты, Ануфрий не спешит на отдых, а, усевшись на корточках в укромном уголке, открывает ящички, проверяет инструменты и протирает их тряпочкой. И, только убедившись, что все на месте и все в порядке, прячет ящички в выгородке и отправляется на отдых.

Мозольков поразительно терпелив и усидчив. Любую работу делает добротнo, и механизм, к которому он приложит руку, действует безотказно. Ануфрий — левша. Это тоже нам на пользу. Там, где механизмы расположены так, что работать правой рукой неудобно, только Мозольков сумеет сделать все как надо.

Много дней мы бороздили холодные просторы Карского моря. Подходит к концу соляр. На исходе запасы продуктов и питьевой воды. Пресная вода идет только в пищу. Умываемся соленой. А в ней мыло свертывается. Почему у нас нет специального мыла для морской воды?

Давно съеден свежий хлеб. Питаемся каменными сухарями и консервами.

Отрывочные сведения с родной земли, которые иногда удается принять радистам, доставляют огромную радость. Очищена от врага почти вся территория нашей страны.

Поиск наш так и не увенчался успехом, хотя мы и оставались в море еще восемь дней после получения радиограммы с разрешением вернуться в базу. Тешим себя надеждой, что уже одно наше присутствие заставило ретироваться фашистских подводных разбойников.

Когда запасов остается в обрез, отправляемся в обратный путь.

Вот и Кольский залив. Всплываем. Мотористы так разволновались, что при запуске левого дизеля раньше времени открыли клинкеты газоотводов. Двигатель залило забортной водой. Пришлось идти подод-

ним дизелем, а балласт продуть аварийным способом — воздухом высокого давления.

Заглядываю в пятый отсек. Мотористы проворачивают дизель вручную. В отсеке темно от струй воды, пара и дыма, бьющих из открытых индикаторных краников. Наконец двигатель осушили, прокачали маслом, и вскоре он загрохотал как ни в чем не бывало.

На тридцать первые сутки похода мы поздним вечером стали у пирса. Когда швартовку окончили, подводники заспешили на базу, и к приготовленному Стецюком ужину так никто и не притронулся, хотя напоследок были использованы все самые лучшие продукты, которые у нас еще оставались.

Я не могу пойти вместе со всеми: назначен дежурным по лодке. Проводив товарищей, поднимаюсь на мостик и с наслаждением вдыхаю свежий воздух. Целый месяц я был лишен этого наслаждения. Стою, вглядываюсь в высокое небо, где всеми цветами пылает полярное сияние. Красота-то какая! Живя в обычных условиях, никогда не задумываешься об окружающем тебя воздухе, а свет дня и тьма ночи воспринимаются как самые обычные, не заслуживающие внимания явления. Надо побыть подводником, чтобы в полной мере оценить красоту мира. Какой душистый ветер ласкает лицо! Сейчас просто страшно спускаться вниз, в отсеки, заполненные смесью всяких запахов, исходящих от аккумуляторов, дизелей, камбуза, грязных трюмов, помойных ведер, немытых человеческих тел, заношенной одежды. Приказываю вахтенному мотористу Александру Климову включить вдувной и вытяжной вентиляторы и как следует проветрить отсеки.

Когда внизу стало несколько легче дышать, мы с удовольствием поужинали из того изобилия еды, какое осталось на камбузе. Климов отправился на базу за почтой. Вернулся весь в слезах. Мы кинулись его успокаивать. Но оказывается, он плачет от радости: получил наконец-то письмо от матери. Давно от нее не было вестей. Оказалось, ее с двумя малышами угнали на фашистскую каторгу. Сейчас наши войска в Литве освободили десятки тысяч узников гитлеровских лагерей. В числе освобожденных — мать и братья нашего Климова.

Мне Климов принес семь писем. Мать и жена страшно встревожены. Еще бы, ведь я целый месяц не мог написать им ни единой строчки.

Проинструктировав вахтенных, ложусь отдыхать. Только закрыл глаза, чувствую, койка подо мной качается. Качается до тошноты, а в ушах такой грохот, словно дизеля на полный ход пущены. Повернулся на другой бок. Все равно койка раскачивается. Не зря говорят, что после долгого плавания моряк может на берегу заболеть морской болезнью.

Так и лежал на койке без сна, пока не вызвали в центральный пост. Там увидел высокого капитан-лейтенанта. Он шагнул ко мне и крепко пожал руку. Глазам не верю: Иван Леонтьевич Данченко, бывший комиссар тихоокеанской подводной лодки «Щ-105»! Назначен парторгом нашего дивизиона. Вот уж действительно земной шар тесен!

Просидели всю ночь, вспоминая общих друзей, дни совместной службы. Исподволь парторг расспросил меня про людей нашего экипажа, о подробностях нашего похода.

Утром я проводил его. В лучах рассвета оглядел лодку. Вид у нее далеко не блестящий: краска облезла, металл покрылся рыжей ржавчиной.

Пять дней мы отдыхали. Больше спали. В город почти не показывались. Мы разучились ходить. Пройдешь пятьдесят метров — и садишься: устал, ноги болят. А земля все качается...

27 сентября 1944 года справили наш корабельный праздник — вторую годовщину подъема Военно-морского флага.

В кают-компании береговой базы задали торжественный обед, на котором присутствовало много гостей — друзья с других лодок, авиаторы, катерники. Присутствовал командующий флотом адмирал А. Г. Головкин и член Военного совета флота вице-адмирал А. А. Николаев.

Арсений Григорьевич Головкин поздравил с праздником, пожелал новых боевых успехов и выразил надежду, что будет присутствовать у нас на празднике по случаю подъема Краснознаменного флага.

Это — наказ воевать еще лучше. Командующий надеется на нас!

На стол подают трех жареных поросят, заработанных нами еще в июне. Командир корабля собственноручно режет и кладет аппетитно пахнущие куски в тарелки нашим лучшим подводникам — Ивану Медарю, инженеру Саваренскому, мичманам Андрею Еремину и Петру Берендакову, Мише Сазонникову...

Не так давно мы поздравили Мишу с новой наградой: за отвагу в боях в Крыму ему вручена медаль «Партизану Отечественной войны». Самый молодой наш матрос оказался дельным парнем. Миша успешно овладел специальностью моториста, а сейчас изучает электротехнику — хочет стать и электриком.

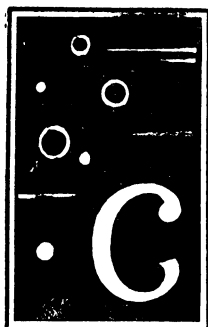
Командир угощает других товарищей, угощает гостей. Дружеская, радостная атмосфера царит в каюткомпании.

Вскоре после корабельного праздника мы проводили к новому месту службы ветерана лодки — помощника командира Степана Степановича Калиброва. Еще раньше ушел от нас командир группы движения Михаил Николаевич Коломиец. С грустью расставались мы с ними, хотя радоваться бы надо — на повышение уходили товарищи. Но всегда жалко расставаться с хорошими людьми.

Помощником командира к нам назначен старший лейтенант Иван Иванович Папылев. Мы его давно знаем как бывшего комиссара подводной лодки «С-14». После того как политработников не стало на лодках, Иван Иванович окончил специальные курсы и стал строевым офицером.

Готовимся к новому боевому походу. Вместе с нами готовятся в плавание еще несколько лодок. Видимо, намечается какая-то крупная операция.

НОВЫЕ ПОБЕДЫ

таршина на подводной лодке — лицо ответственное и весьма занятое. Он всегда на боевом посту или поблизости от него. В боевом походе я редко покидаю шестой отсек. Если позволяет обстановка, то на несколько минут забегаю в четвертый и второй, где размещены группы аккумуляторной батареи, за которую я тоже отвечаю. Там несут вахту командир отделения Анатолий Тихонов и старший электрик Ануфрий Мозольков. Они следят за аккумуляторами (их температурой, газовыделением) и записывают свои наблюдения в специальный журнал. Оба — опытные подводники, дело знают хорошо и в моей опеке не нуждаются. К тому же они — командиры отсеков, их работу постоянно контролирует центральный пост. За эти участки я спокоен.

Могу я отлучаться из отсека на завтрак, обед и ужин. Но это не в счет. К тому же иной раз так уста-

нешь, что не до еды. Выдастся удобный час, сразу валюсь в постель и предупреждаю вахтенного по отсеку: на обед меня не будить, а с камбуза принести кружку компота и пару сухарей.

Ребята стараются в это время как можно меньше шуметь. Но под гудение электромоторов все равно слышны шаги по палубе, негромкий разговор — настолько в походе развивается чувство настороженности.

Я почти все время с людьми шестого отсека. Каждого вижу в деле. Чуть кто ошибется, вместе разбираем промах и его причины. Все реже нам приходится сталкиваться с нарушениями дисциплины. Каждый понимает: малейшая разболтанность, нечеткость в работе может поставить под удар весь корабль, а следовательно, и твою жизнь. Мне почти не приходится строго разговаривать с Анатолием Панцовым и Иваном Козловым. Хотя нет, в прошлом походе у нас произошел небольшой конфликт с Козловым. Опять из-за его привычки до всего своим умом доходить и не слушать ничьих советов. Возник спор по поводу одной из электрических схем. Панцов одно утверждает, Козлов — другое. Смотрю, перепалка начинается, Козлов уже в прямую грубость пустился. Приказываю ему прекратить разговор в таком тоне, а он сгоряча еще пуще. Пытаюсь еще раз его урезонить. Не слушает, совсем удила закусил. Надо наказать грубияна. Но как? Дать наряд вне очереди? В походе это не имеет смысла — и без того люди загружены сверх меры. Отложить взыскание до возвращения в базу? Слишком долго, всякая острота восприятия притупится.

И тогда я приказал провинившемуся покинуть отсек. Просто покинуть отсек, и все. Вы посмотрели бы, как побледнел парень. Снят с вахты в боевом походе, ведь это позор! Козлов с мольбой взглянул на Комкова и Панцова: может, они заступятся? Но те молча открыли переборочную дверь и подтолкнули к ней Козлова. А Панцов еще сказал на прощание:

— Иди, иди. Без тебя обойдемся.

Козлов понимал: товарищам теперь придется выполнять не только свою, но и его работу. Это всего тяжелее, когда из-за тебя другим страдать приходится.

Очень скоро дверь осторожно приоткрылась. Козлов просунул в щель голову и дрожащим голосом сказал мне:

— Простите, товарищ мичман. Никогда больше не будет этого... Разрешите встать на вахту.

Вид у него такой убитый, что мне его жалко стало. Разрешил занять боевой пост.

Огромное напряжение, какое мы испытываем в походах, нуждается в разрядке. Она наступает, когда возвращаемся в базу. Я забочусь, чтобы моряки могли хорошо отдохнуть, так планирую работы и занятия, чтобы по возможности вечера оставались свободными. Вместе ходим в клуб, смотрим кино, слушаем лекции, которые организует для нас политотдел. Зимой часто бываем на катке.

Больше всего матросы любят кино. Выпросили в политотделе кинопередвижку. Теперь фильмы смотрим прямо в кубрике, крутим подчас по несколько картин за вечер. Ничего, что фильмов маловато. Ребята полюбившиеся ленты могут просматривать бесчисленное число раз.

Мы имеем право увольнять подчиненных на берег, а провинившихся лишать этого блага. Но пользоваться этим правом в воспитательных целях мы лишены по очень простой причине: не хотят матросы увольняться на берег, и все тут. Полярное — поселок маленький, развлечений особых здесь не найти. Вот когда стоим в доке поблизости от Мурманска, тогда другое дело...

Командование открыло для подводников дом отдыха. Моряки отправляются туда по очереди. Этот десятидневный «рай» матросам пришлось по вкусу.

Но отдых наш недолог. Уже на третий день после возвращения из похода мы приступаем к ремонтным работам. Уходит партия моряков в дом отдыха, остальные трудятся за двоих. А нам, пожалуй, крепче всех достается. Один электрик в доме отдыха, второй стоит на вахте. Остается нас четверо. А рассчитывать на помощь со стороны не приходится — забот всем хватает.

Начинаем мы с аккумуляторной батареи. Доливаем элементы дистиллированной водой, которую таскаем за полкилометра в мешках. Читатель уже знает, что мешки эти особые, скорее, это резиновые баллоны с тугой резьбовой пробкой. Емкость каждого — тридцать литров. Таких мешков нам надо натаскать штук шестьдесят, а то и более. Потом проводим так называемый лечебный цикл батареи: заряжаем и разряжаем ее несколько раз на особых режимах. В базе мы ток для зарядки получаем с берега. Для этого надо протянуть толстые тяжелые кабели от зарядной будки на причале до контактов наших ходовых станций. Иной раз кабелей не хватает, мы разыскиваем их и тащим со всех причалов.

Работы много, работаем все независимо от должности. Нам, старшинам, даже больше других приходится — важно увлечь подчиненных личным примером. Но оттого что старшина трудится наравне с матросом, авторитет его никогда еще не страдал. Наоборот, если бы старшина ходил руки в брюки и только распоряжался, усталые матросы вряд ли стали смотреть на него с почтением. Такова служба на подводной лодке: здесь все делится поровну — и труд, и опасности, и последний глоток воздуха.

В базе мы не только работаем, но и учимся. Когда механизмы разобраны для ремонта — самое благодатное время для их изучения. Регулярно проводим занятия по специальности, по изучению устройства корабля. Забочусь о том, чтобы каждый из моих подчиненных при необходимости мог заменить товарища и даже меня, старшину группы. Мало ли что может случиться в бою. Занятия проходят живо, прямо в отсеке лодки, где можно вскрыть механизм, опробовать его в действии, своими глазами увидеть неисправность и постараться как можно быстрее устранить ее.

Кончилась наша стоянка. Поздним вечером 8 октября мы снимаемся со швартовов. Отправляемся в свой шестой боевой поход. С нами в море идут дивизионный минер капитан-лейтенант Е. В. Новожилов и парторг дивизиона И. Л. Данченко. Провожают нас Иван Александрович Колышкин и Павел Иванович

Петров, ставший недавно начальником политотдела. Они обходят отсеки, беседуют с каждым подводником, крепко пожимают руку на прощание.

Поскольку мы уже прервали всякую связь с берегом, Иван Александрович раскрывает нам секрет: начинается наступление войск Карельского фронта. Цель — окончательное изгнание фашистских захватчиков не только из пределов Советского Заполярья, но и из соседних с нами Финляндии и Норвегии.

— Будет и вам работа, — говорит комбриг. — Ждем вас дома с выстрелами!

Через два дня мы уже у берегов Норвегии. Наступление наших войск началось. Свидетельством тому всполохи взрывов и пожаров на обычно погруженном во мрак берегу, трассы снарядов и пуль, прошивающие поосеннему черную ночь. Об этом нам рассказывают сигнальщики, когда приходят погреться после вахты.

Надо и нам готовиться к бою.

Ждать приходится недолго. События на суше складываются далеко не в пользу гитлеровцев. Они отступают под ударами наших войск. А единственный путь передвижения в горной, изрезанной фиордами стране — по морю. Отступающие, спасая свою шкуру, удирают на судах. А фашистское командование, пытаясь выправить положение, посылает к месту боев подкрепление. Тоже на судах. Наша задача — сорвать все морские перевозки противника.

Встреча с вражеским конвоем произошла в полдень 12 октября. Как мы позже узнали, конвой этот вышел рано утром из норвежского порта Киркенес и вскоре же был атакован гвардейской подводной лодкой «М-171», одержавшей на этот раз свою четырнадцатую победу. Продвигаясь на запад, конвой подвергся ударам советской авиации. До нашей позиции он добрался уже сильно потрепанный.

Мы экономическим ходом двигались на перископной глубине недалеко от мыса Танахорн. Кок Семен Стецюк приготовил обед и собирался уже докладывать об этом в центральный пост, но его опередил акустик Павел Сергеев с более важным сообщением: приближаются шумы многочисленных кораблей. Получив этот доклад, командир подсел к штурманскому столу и начал вымеривать циркулем расстояния на

основательно засаленной карте, что-то прикидывая в уме. Все в центральном посту места себе не находили от возбуждения, а командир сидел и размышлял над картой. Наконец он поднялся и спокойно сказал мичману Еремину:

— Объявите торпедную атаку.

— Как объявить: сигналом или голосом?

— Голосом. Незачем излишне шуметь.

Все встали по местам. Командир поднял перископ. Вражеские корабли уже хорошо просматривались.

— Аппараты, товсь!

По переговорной трубе мне слышны все команды. Мы превратились в слух. Гребные электромоторы работают с большой нагрузкой, сквозь их гудение трудно уловить забортные шумы. И все же до нас явственно доносятся странные звуки: словно кто-то сильно бьет по воде палкой, а затем с шорохом осыпаются брызги. Позже мы узнали, что это на конвой налетела наша авиация. Взрывы сброшенных бомб, пальба зениток кораблей конвоя сливались в загадочный шум, который мы слышали в своем отсеке.

В переговорной трубе звучит протяжная команда:

— Ап-па-ра-ты...

Перед тем как произнести «Пли!», командир на мгновение поднял перископ, чтобы окончательно уточнить расчеты. Но перископ пришлось спешно опустить: на лодку мчался сторожевик.

В детстве мы — компания маленьких сорванцов — любили ходить к маленькому железнодорожному мостику, перекинутому через грязную канаву. Увидев приближающийся поезд, забирались под мостик, просовывали между шпалами вихрастые головы и с замирающим сердцем смотрели на стремительно надвигающееся стальное чудовище. Самым храбрым признавался тот, кто всех дольше держал голову на уровне рельсов. Поезд проносился над нами со страшным грохотом, обдавая нас жаром и пылью...

Примерно такое ощущение испытал я, когда сторожевик пронесся над нашими головами. В подобные моменты человеку хочется стать как можно меньше, неприметнее. И я почувствовал, что уши мои коснулись вздернутых плеч... Вытянулись лица, сгорбились фигуры и моих товарищей.

С визгом работающих машин и оглушительным стуком винтов сторожевик промчался над нами, изрядно раскачав лодку. Шум его вскоре исчез за кормой. Похоже, не заметил нас, а то нам было бы не до атаки!

Неожиданное появление сторожевика спутало нам карты. Самый крупный транспорт, шедший головным, в который целился командир, пересек залповый пеленг и стал для нас недостижимым. Но Тураев не собирался отказываться от атаки. Снова он поднял перископ. Как раз в удобном для удара положении оказался второй транспорт, несколько меньше головного. Командир не мешкая приказывает:

— Пли!

Четыре торпеды, выпущенные веером, вырвались из аппаратов и понеслись к вражеским кораблям. Вскоре мы услышали два мощных взрыва.

Теперь надо ждать преследования. Мы все готовили на случай бомбежки.

Томительно тянутся минуты, а кругом тихо. Только явственно доносятся далекие раскатистые удары — словно кто-то палкой бьет по воде. Это опять наша авиация налетела на корабли конвоя. Врагу не до нас: хотя бы ноги унести от бомб наших самолетов. Столь благоприятные обстоятельства не часто случаются. Командир пользуется ими, чтобы поднять перископ и взглянуть на результаты атаки. Дал посмотреть всем, кто находился в центральном посту. Вражеский транспорт, переломившись надвое, погружался в море. Рядом тонул сторожевой корабль. К перископу по очереди подходят помощник командира Папылев, механик Саваренский, мичман Еремин, парторг дивизиона Данченко. Вскоре на поверхности моря остались лишь обломки дерева да барахтающиеся в ледяной воде фашисты. А в небе кружили наши самолеты, нанося все новые удары по уцелевшим кораблям. Вот окутался паром и накренился большой транспорт, который нам не удалось атаковать. Североморские соколы все-таки не дали ему уйти.

Три конвойных корабля задержались у места, где потонули транспорт и сторожевик. Этим решил воспользоваться наш командир. Он повел лодку в новую атаку, на этот раз кормовыми аппаратами. Но мы бы-

ли сравнительно далеко от противника. Пока разворачивались, пока сближались, вражеские корабли разошлись в разные стороны. Жаль конечно. Но огорчаться нам грех. Два потопленных корабля — и так не малая удача. Моряки ликуют. Мы уменьшили вражеский флот на две единицы, отправили на дно сотни вражеских солдат, которые теперь уже никогда больше не поведут огонь по нашим воинам.

Между прочим, 12 октября — день для нас памятный. Ровно год назад нас в губе Оленьей атаковали вражеские самолеты, после чего нам пришлось долго ремонтировать свой корабль. Сегодня мы отомстили фашистам.

Оставляем позицию, чтобы перезарядить торпедные аппараты, пополнить запасы электроэнергии и воздуха. Погружаемся поглубже, форсируем минное поле. Когда оно осталось позади, командир прошел по отсекам, рассказал матросам о том, как проходила атака. Мне он сказал:

— Ну, товарищ Власов, вы должны быть довольны. Отплатили мы за ваше купание. Не забыли еще его? Поэтому я вас особо поздравляю.

— Спасибо, товарищ командир, — ответил я. — Спасибо за победу, за то, что мы с лихвой расквитались с врагом!

Зарядив носовые аппараты, вновь начинаем поиск.

В ночь на 15 сентября, пользуясь темнотой, всплыли для зарядки аккумуляторной батареи у самого берега на траверзе местечка Берлевог. По договоренности с инженер-механиком я должен был дать ход обоими электромоторами, как только поступит команда «Стоп дизель».

Свободные от вахты моряки пили запоздавший вечерний чай. Я на минутку зашел в седьмой отсек, где торпедист Василий Галактионов и комендор Павел Давиденко сидели возле переносной электрогрелки и пекли на ней картошку. Больше никого в отсеке не было. Старшина группы торпедистов Петр Берендаков ушел в четвертый отсек чаевничать. Договорившись, что ребята и на нашу долю испекут картошки, возвращаюсь к своим ходовым электростанциям. И тут слышу звонок машинного телеграфа. Стрелка его

скакнула на графу «Стоп дизель». Быстро включаем оба гребных электромотора.

Гляжу, в дверь влетает Берендаков с кружкой чая и бутербродом в руках. Впопыхах ищет, куда бы поставить кружку. И не находит места лучше, чем моя конторка. Кружка скользит по наклонной доске, чай льется на электротехнические журналы, которые я веду очень аккуратно.

— Что ты делаешь! — кричу.

Едва Берендаков открыл дверь в свой отсек, как палуба дважды дернулась под ногами. Несомненно, это вышли две торпеды из кормовых аппаратов. Что это, атака? Но почему же тогда не была объявлена тревога?

Берендаков так и не успел прибежать на свой боевой пост. Галактионов и Давиденко справились одни.

Ждем взрывов. Но их нет и нет. Уже восемь минут истекло. Промазали, значит.

А с мостика новая команда: «Товсь правый дизель». Останавливаем электромоторы. Слышим, заработал за переборкой дизель, задрожала палуба от вращения гребного вала. Никак не поймем, что происходит наверху.

Сигнал срочного погружения прервал наши размышления. Снова пускаем электромоторы. И вдруг раздается такой оглушительный сдвоенный взрыв, какой нам еще не доводилось слышать. Лодку, начавшую погружаться, подкинуло с такой силой вверх, что палуба больно ударила нам по пяткам.

Быстро оглядев измерительные приборы на ходовых станциях и убедившись, что все в порядке, успокаиваемся. К тому же после взрыва наступила обычная, ничем не нарушаемая подводная тишина.

Что же все-таки произошло? Об этом мы узнали, когда пришли товарищи из центрального поста.

Я уже говорил, что лодка той ночью крейсировала вдоль норвежского побережья, производя поиск и одновременно заряжая аккумуляторную батарею. Мы были близко от берега, эхолот показывал всего тридцать пять метров глубины. На мостике находились командир лодки, вахтенный офицер — дивизионный минер капитан-лейтенант Е. В. Новожилов и сигнальщик Дмитрий Еремин.

Первым заметил вражеские корабли Новожилов. Конвой шел без единого огонька. Силуэты кораблей смутно вычерчивались на фоне горизонта. Конвой шел с запада, по-видимому, вез подкрепление своим войскам. Встреча неожиданная. Тураев быстро развернул корабль. Времени было в обрез, поэтому командир не стал объявлять тревоги, ждать, пока люди займут места. Просто скомандовал по переговорной трубе в седьмой отсек. Торпедист Галактионов и артиллерист Давиденко не растерялись, быстро подготовили аппараты и выпустили две торпеды.

Темнота помешала командиру точно определить расстояние до вражеских кораблей и их скорость. Поэтому атака и не удалась.

Но не в правилах Тураева так просто смиряться с неудачей. Он приказал запустить дизель, лодка развернулась и устремилась к конвою.

— Аппараты, товсь!

— Аппараты...

И снова командиру не довелось закончить команду.

Из отверстия закопченного газоотвода полетели искры. Их, по-видимому, заметил противник. Совсем близко от лодки послышался всплеск, забелел в темноте высокий бурун.

— Все вниз! Срочное погружение! — приказал командир. Он-то знал, что произошло: вражеский катер атаковал нас и сбросил торпеды.

Кубарем скатились по трапу Еремин и Новожилов. Командир шагнул в люк, потянул за собой крышку, и в этот момент прогрохотал огромной силы взрыв прямо по носу лодки. Тураев увидел яркое, высоко взметнувшееся пламя.

Лодка, подпрыгнув во время взрыва, ушла на глубину. Сигнальщик, вахтенный офицер и командир молчали. На побледневших скулах командира катались желваки. Наконец он спросил боцмана, действуют ли носовые рули. Получив утвердительный ответ, командир промолвил: «Странно!» — и приказал отдраить дверь во второй отсек. Там было все в порядке. Командир отсека Мозольков стоял на своем посту у переговорной трубы. Сразу у всех отлегло от сердца. Тураев улыбнулся.

— А вы знаете, — проговорил он, — я думал, что вражеская торпеда оторвала нам нос. Уж очень близко взрыв был. Меня ослепило пламенем...

Какую выдержку надо иметь, чтобы в этой ситуации спокойно отдавать распоряжения, самому сохранять хладнокровие и людям его передавать... Стальные нервы у нашего командира!

Вскоре стала известна и причина взрыва. В центральный пост пришел минер Александр Козин и доложил, что одна торпеда самопроизвольно вышла из аппарата. Очевидно, торпедисты что-то сделали не так, чего-то недосмотрели. Во всяком случае, торпеда вышла. И что более всего удивительно — вышла как раз вовремя и попала в транспорт, в который целился командир. Огромная сила взрыва объяснялась близостью от нас торпедированного судна. А двойной взрыв свидетельствовал о том, что взлетел в воздух или котел транспорта, или груз — боеприпасы.

Корабли эскорта не преследовали нас и не сбросили ни одной бомбы. Вместе с охраняемыми судами они скрылись в темноте. Командир решил сообщить на базу об обнаруженном конвое. Лодка подвсплыла, и радист Александр Клипин отстукал депешу. Как нам стало известно позднее, наше донесение помогло флотским летчикам найти этот конвой и полностью разгромить его. Вражеские войска так и не дождались подкрепления и помощи.

Еще целую неделю мы крейсировали у берегов Северной Норвегии, но больше не встретили ни одного корабля. Фашисты, видно, поняли, что их войска обречены, и больше не посылали подкреплений.

Да, события развивались в нашу пользу. 16 октября мы узнали, что советские войска овладели искони русским заполярным городом Печенга, в честь чего в столице нашей Родины прогремел салют из двадцати артиллерийских залпов. В приказе Верховного Главнокомандующего среди войск Карельского фронта и частей Северного флота, отличившихся в боях за освобождение Печенги, были упомянуты и «моряки капитана 1 ранга Колышкина».

Значит, и наш скромный труд влился в большой ратный подвиг советских воинов.

22 октября радисты приняли радиограмму, которая вызывала нас в базу. Покидаем позицию и, совершив благополучный переход к родным берегам, входим в Екатерининскую гавань. Сейчас прогремит наш победный салют!

Долго шли споры о числе выстрелов. Командир заявил, что будем салютовать двумя выстрелами. Третий корабль он не хотел считать, так как торпеда выпущена без его приказа.

— Но ведь транспорт потонул!

— И потонул от нашей торпеды!

Ребята возбужденно доказывали, настаивали. И командир сдался. Приказал комендору Григорию Котенко подготовить три холостых заряда.

Мы прошли уже боновое заграждение, приближаемся к пирсу, а выстрелов нет: носовая пушка отказала. Решили стрелять из зенитки. Но и та закапризничала. Моряки на чем свет ругают комендоров, хотя те ни в чем не виноваты: ведь за весь поход им ни разу не удалось побывать у пушек, проверить их.

Работаем электромоторами то вперед, то назад. А пушка молчит.

Наконец-то прогремел один выстрел, второй грохнул. И тут же команда: «Отбой моторам. Механизмы в исходное положение». Значит, лодка уже ошвартовалась. Скорее одеваемся и спешим наверх через люк четвертого отсека. Выбравшись на верхнюю палубу, первым делом верчу большую самокрутку, чтобы без помехи покурить на свежем воздухе. И вдруг над самым ухом так бухнула наша сотка, что я чуть не слетел за борт.

На пирсе стоит адмирал А. Г. Головкин, машет рукой и смеется:

— Не стреляй, Тураев! И так верим!

Встреча опять теплая, торжественная. Нас поздравляют с победой, с благополучным возвращением.

Узнаем кучу новостей. Оказывается, в последнее время выстрелы в гавани гремели почти ежедневно, а то и по два раза в день: многие лодки вернулись с победой из этой операции. От торпед североморских подводников фашисты потеряли четырнадцать кораблей и судов. Мы не потеряли ни одной лодки.

Результат наших атак был полностью подтвержден разведкой. На следующее после прибытия утро я вооружаюсь кисточкой и красками и вместо цифры «три» вписываю в звезду на боевой рубке нашей лодки цифру «шесть».

В этот же день, 25 октября, мы слышали в сводке Совинформбюро фразу: «Кораблями Северного флота потоплены два транспорта и сторожевой корабль противника». Наверное, вряд ли кто обратил внимание на эти скупые слова — в то время хватало более крупных и важных событий. А нам эти слова запомнились на всю жизнь!

Подводники лодок, участвовавших в Печенгской операции, отмечают свой успех праздничными обедами с традиционными поросятами. Командир базы сбился с ног. Экипажи лодок привезли столько побед, что это серьезно угрожает благополучию подсобного хозяйства базы. Съедаем и мы положенную нам тройку жареных поросят.

Командир корабля и офицеры заняты составлением наградных листов и отчета о боевом походе. Точно установлено, что наша лодка потопила в этом плавании два транспорта водоизмещением семь и пять тысяч тонн и сторожевой корабль в восемьсот тонн. Транспорт, отправленный нами на дно 12 октября, вез большое количество вражеской пехоты, отступавшей под могучими ударами войск Карельского фронта.

27-я годовщина Великого Октября стала для нас двойным праздником. В этот день в клубе бригады были вручены правительственные награды большой группе подводников, участвовавших в Печенгской операции, в том числе всем морякам нашего корабля. Я получил орден Красного Знамени.

Комсомольская организация лодки награждена Почетной грамотой Центрального Комитета ВЛКСМ. Такая же грамота вручена нашему бессменному комсомольскому секретарю старшему краснофлотцу Аркадию Михайловичу Комкову.

Советские войска шли на Запад. Страна напрягала все силы, чтобы быстрее разгромить врага. Грандиозные операции на фронтах потребовали огромного ко-

личества подвижного железнодорожного состава, который стягивался отовсюду. Из-за отсутствия вагонов прекратился подвоз топлива на Север. А зима 1945 года выдалась на редкость холодная. В неотапливаемом помещении базы мы замерзали. Пришлось использовать лодочные переносные электрогрелки, предварительно перестроив их схему, чтобы можно было включать в осветительную сеть.

А на лодке, стоявшей у борта плавучей мастерской, и вовсе все покрылось инеем. Но мы продолжали работать с утра до ночи, ремонтируя корабль, готовя его к новым походам, хотя и сомневались, доведется ли нам еще повоевать: боевые операции на Севере подходили к концу.

Когда положение с топливом стало совсем тяжким, нашелся отважный капитан, который взялся привезти на своем пароходе трофейный уголь из Печенги. Рейс этот был опасен из-за обилия мин на пути и угрозы нападения вражеских подводных лодок, все еще посещавших эти районы. Риск оправдался. Пароход вернулся с трюмами, полными прекрасного угля. Мы зажили веселее. На базе стало тепло, заработала баня.

В январе мы проводили в дальний путь нашего командира отделения электриков Анатолия Тихонова. Он уезжал во Владивосток, а вскоре с группой моряков был откомандирован в Сан-Франциско, там они приняли фрегат, на котором участвовали в боях против японских милитаристов. После войны Анатолий Иванович вернулся в родную Москву и снова стал машинистом поезда метрополитена.

Отделение электриков принял Ануфрий Мозольков, ставший к тому времени одним из лучших наших специалистов.

Расстаемся с нашим командиром В. А. Тураевым. Он назначен на должность заместителя начальника отдела подводного плавания штаба флота. На лодку пришел новый командир. Мы его уже давно знаем по службе в одном дивизионе: он был помощником командира подводной лодки «С-14». Это капитан-лейтенант Г. М. Васильев, бывший торговый моряк, ставший хорошим подводником. Григорий Максимович — человек веселый, общительный, пользующийся всеобщим уважением.

Наступила весна. По всему чувствовалось: скоро конец войне. И вот пришел этот светлый день. Трудно описать радость и торжество, которое испытали все мы тогда.

А жизнь сразу поставила новые вопросы. И первый из них: а что же делать дальше? Нам ясно одно: и в мирной жизни понадобится флот. Поэтому служба продолжается!

Уходят на другие корабли многие ветераны лодки. Экипаж все более разбавляется молодежью. Ее надо учить, и мы старательно передаем свои знания и опыт новичкам.

26 августа 1945 года, в день корабельного праздника, на нашей лодке взвигается Краснознаменный флаг — за боевые дела экипаж награжден орденом Красного Знамени.

Радует за свой корабль, за своих боевых товарищей, ковавших его славу. И становится немного грустно от мысли, что пройдет время, мы, делившие вместе и неудачи, и радость побед, отслужим и разедемся в разные концы страны и уже других людей, которые сменят нас, будет осенять слава Краснознаменного флага. Но нет, нечего грустить. Уйдем мы, но слава корабля останется, ее как боевую эстафету будут передавать из рук в руки поколения подводников.

БОЕВАЯ ЭСТАФЕТА

ам стало известно, что с флота будут увольняться в запас все призванные по мобилизации. С нашей лодки первыми уйдут Агамов, Мозольков, Кузин и я. Начинаем понемногу сдавать дела, оформлять документы и собираться в дорогу. Фотографируемся на память всем экипажем. Нам, уходящим в запас, вручаются медали «За победу над Германией», благодарственные грамоты, подарки нашим женам и детям.

Теплыми, сердечными были проводы. И вот я снова гражданский человек. Хожу по земле, сколько мне хочется, люблюсь нежарким солнцем и золотом осени. А на сердце нет радости. Слишком крепко прирос к флоту, к родному кораблю.

Море! Кто в юности не мечтал о твоей красоте! Кого не манило ты в свои беспредельные дали! Какой

мальчишка не зачитывался произведениями Жюль Верна, Джека Лондона, Станюковича, Новикова-Прибоя!..

Мечта стать моряком зародилась у меня еще с ранних лет. А призывная комиссия признала, что я не годюсь в моряки — физически недостаточно крепок. Потом сжалились, признали годным к военно-морской службе и направили на Краснознаменный Балтийский флот.

И вот — Ленинград. Разношерстная колонна призывников движется по окутанному морозной мглой Невскому, направляясь во флотский экипаж.

Три дня мы проходили комиссию, которая определяла место службы каждого из нас. Подхожу к столу, за которым сидит пожилой солидный моряк с широкой нашивкой на рукаве. Он просматривает мои бумаги, спрашивает, кем я работал до призыва, и пишет на моих документах: «УОПП, электрик». УОПП — учебный отряд подводного плавания. Итак, я буду подводником! И верь после этого врачам, совсем недавно чуть было вообще не забраковавшим меня!

И вот мы в учебном отряде подплава. Одеты по-прежнему в гражданскую одежду. Прежде чем получить флотское обмундирование, предстояло пройти барокамеру, в которой проверялось важное качество, необходимое будущему подводнику, — способность переносить повышенное давление.

После успешного испытания в барокамере, стальном котле, в который медленно накачивался воздух, пока не начинали у нас ломить уши, мы оказались на вещевом складе. Нас рассадили по скамьям и в первую очередь выдали всем по большому вещевому мешку. Два краснофлотца — кладовщики — начали обходить по рядам и опускать в подставляемые нами мешки брюки, рубахи и прочую одежду. К концу церемонии мешки были наполнены доверху, на наши плечи накинuty шинели, а на стриженные головы — бескозырки, к великому нашему огорчению, без ленточек.

В этот же день мы вымылись в бане и облачились в новую, стоявшую колом, парусиновую робу. После распределения по взводам начался курс молодого краснофлотца — строевая и общевойсковая подготовка.

На нас, начинающих моряков, большое впечатление произвел командир отряда капитан 1 ранга Петр Семенович Броневицкий — старый моряк русского флота, высокий, статный, с безупречной воинской выправкой. Это он отбирал в экипаже будущих подводников.

Его сослуживец по старому флоту — комендант отряда Иван Иванович Грабовский, такой же рослый и подтянутый, любил вспоминать:

— Когда мы с Петром Семеновичем служили в гвардейском экипаже, то в роте были замыкающими. Вот какие были раньше моряки!

Вставали мы в пять часов утра, делали приборку, завтракали и принимались за изучение уставов. Часов в девять или в половине десятого, когда начинался поздний ленинградский рассвет, выходили на тихие улочки Васильевского острова и там занимались строевой подготовкой. Аппетит после занятий на свежем, морозном воздухе у всех был зверский. Сидя в столовой в ожидании первого блюда, мы съедали целый поднос черного хлеба.

Первые знакомства, естественно, заводятся с теми, с кем больше всего находишься. Это товарищи по отделению Яков Поливода, Виктор Евдокимов, Георгий Потовин, Александр Никитин... С некоторыми из них пришлось служить вместе и на лодках в предвоенные годы...

Перед самым Новым годом нам выдали заветные ленточки и бляхи к широким ремням, и это окончательно придало нам настоящий морской вид.

1 января 1936 года состоялось первое увольнение в город. Мы получили увольнительные, вышли за ворота и остановились в нерешительности. Куда идти? Дежурному командиру пришлось отгонять нас подальше от отрядных ворот. Хорошо ленинградцам! Они не стояли у ворот, раздумывая: куда бы направиться?

Вечером в кубрике и после отбоя не утихал разговор. Каждый торопился рассказать товарищам о первом увольнении, о достопримечательностях города, о знакомствах с девушками...

Наконец всех учеников распределили по классам, и начались занятия по специальности — морскому и

легководолазному делу, общеобразовательным предметам. Легководолазному делу учились сначала в тренировочном бассейне, и первое время инструкторы буквально заталкивали под воду некоторых робеющих учеников. Прошедшие тренировку в «лягушатнике» (так мы называли тренировочный бассейн) уже увереннее чувствовали себя в тренировочной башне, хотя там было гораздо труднее, нежели в бассейне.

Инструктор нашего класса младший командир Борис Михайлович Брук (мой земляк) служил по последнему году срочной службы. Это был человек веселый, с большим чувством юмора, отличный мастер своего дела. Под руководством такого бравого инструктора и хорошего, вдумчивого преподавателя электротехники военного инженера Климина моряки нашего класса — в большинстве своем бывшие рабочие — успешно приобретали необходимые знания и навыки.

Совершили экскурсию на зимовавшую на Неве бывшую английскую лодку «Л-55». Впервые мы увидели настоящую лодку, а не ее чертежи. Всех нас поразило обилие всевозможных приборов и механизмов. И назначение каждого подводнику необходимо знать! Мы поняли, что настоящая наука нас ожидает впереди, на флоте. Посещение подводной лодки закончилось первой практикой: нам дали по куску пакли, и мы протерли соляром палубу во всех отсеках.

В апреле 1936 года проходил десятый съезд ВЛКСМ. В подарок съезду художественная самодеятельность подводников приготовила большую концертную программу «День корабля». Статистами для этой инсценировки отбирались успевающие в учебе, среди которых (благодаря высокому росту) оказался и я. Так я стал участником краснофлотской самодеятельности.

После долгих репетиций показали свое искусство начальнику политуправления флота Г. С. Окуневу и выехали в Москву. И вот я в родном городе.

Вечером на трех автобусах нас подвезли к Большому театру. Входим через служебный вход. Переодеваемся в форму «раз», опрыскиваемся обильно одеколоном. Наконец распахнулся огромный занавес, и мы увидели заполненный людьми зал. Делегаты очень тепло встретили моряков в белоснежной форме.

Я всмотрелся в затемненный зал и в первой от сцены ложе увидел К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного и секретаря ЦК ВЛКСМ Александра Косарева в форме военного летчика. Они горячо аплодировали посланцам флота.

Инсценировка неоднократно прерывалась бурными аплодисментами делегатов.

На следующий день мы дали второй концерт в Большом театре для общественности столицы и воинов Московского гарнизона и имели не менее шумный успех.

В этой интересной и памятной поездке я познакомился и подружился с моим сверстником, учеником штурманского электрика, серьезным и рассудительным Рудольфом Радун.

После окончания учебы Рудольфа оставили инструктором в отряде. Вскоре он стал комсомольским работником. Во время советско-финского конфликта Радун был комиссаром десантного отряда, действовавшего в тылу у белофиннов, и за боевые дела награжден орденом Красного Знамени.

Последний раз я встретился с Рудольфом во Владивостоке в 1940 году, куда он приезжал как представитель Главного политического управления. Нам удалось побеседовать в непринужденной обстановке, и Рудольф, как всегда, рассказал много интересного.

Во время Великой Отечественной войны он был начальником политотдела бригады подводных лодок Северного флота. Капитан 2 ранга Рудольф Вениаминович Радун погиб в боевом походе на подводной лодке «К-22». Когда наша лодка пришла на Север, я уже не застал его в живых. Но добрая память о нем живет, и подводники моего поколения никогда не забудут славного товарища и заботливого, отзывчивого начальника.

Вернулись в Ленинград. 1 Мая мы участвовали в военном параде на площади Урицкого (ныне Дворцовая). Парад принимал командующий Ленинградским военным округом командарм 1 ранга Шапошников. Он громко читал текст Военной присяги, и мы хором повторяли за ним. На трибуне были командующий Краснознаменным Балтийским флотом Л. М. Галлер, секретарь Ленинградского обкома партии

А. А. Жданов, представители командования, руководящие работники города и области.

А учеба наша подходит к концу. Июнь — последний месяц. Начались экзамены. Пошли разговоры и догадки: куда нас направят после? Всем хочется попасть на Дальний Восток. Манят дальние дороги и возможность увидеть просторы нашей родины. Нам повезло — почти весь наш класс едет на Тихий океан.

Двадцать семь дней потребовалось воинскому эшелону, чтобы пересечь всю нашу необъятную страну. Перед нашими глазами прошли невысокие живописные хребты Урала, просторы Западной Сибири, величественные сибирские реки, красавец Байкал, горы и дремучие дебри Забайкалья, цветущая Уссурийская долина. И вот мы увидели на горизонте голубой простор. Потянуло соленым воздухом океана. Поздно ночью прибыли к месту назначения. Поселились во флотском экипаже.

Нас расписали по частям, и я, забрав свои пожитки, зашагал в бригаду подводных лодок. Здания бригады располагались на склоне, спускающемся к голубой глади залива. Из окна кубрика, в котором мы разместились, была видна вся бухта и стоящие у пирсов «щуки» с развевающимися на легком ветерке вымпелами. На какой из них мне предстоит начать трудную службу?

Однако все получилось не так, как мечталось. Более двадцати молодых подводников всех специальностей прикомандировали к лодке, стоящей на ремонте, и направили на завод. Четверо электриков — я и мои одноклассники Юрий Клопотюк, Алексей Зиновьев и Владимир Жиров — работали в аккумуляторном цехе завода: собирали аккумуляторы и арматуру, перевозили их и грузили на новые «ленинцы», строящиеся на заводе.

Одновременно прикрепленный к нам командир отделения трюмных машинистов Михаил Трофимов знакомил нас с устройством «щуки».

Михаил Аркадьевич Трофимов, с которым военная судьба свела меня вновь уже на Севере, где он служил старшиной группы трюмных на Краснознаменной «Щ-404», заставлял нас пролезать на брюхе по всем трюмам, выгородкам и балластным цистернам.

Очень скоро нам потребовались все познания, которые мы получили от старательного Трофимова. В начале октября нашу производственную команду расписали по лодкам, и я был определен штатным электриком на «Щ-105», на одну из самых старых лодок Тихоокеанского флота. На корабле был дружный и сплоченный экипаж. Командовал лодкой двадцатисемилетний капитан 3 ранга Андрей Трофимович Чабаненко — способный моряк и волевой командир, с которым можно было смело идти на любое задание. Опытнейший подводник, прескрасный воспитатель и организатор, А. Т. Чабаненко дослужился до адмирала и в течение десяти послевоенных лет командовал Северным флотом.

Душой дружного коллектива был комиссар лодки — батальонный комиссар Федор Иванович Коротин, опытный воспитатель и старый служака. К двадцатилетию РККА его наградили юбилейной медалью, которая вручалась лицам, служившим в Красной Армии со дня ее образования.

Помощник командира лодки старший лейтенант Дмитрий Александрович Вершинин был всеобщим любимцем моряков и пользовался огромным уважением. Хороший моряк, умелый организатор, он в начале войны командовал подводной лодкой на Севере, а потом служил в штабе Северного флота. Ныне Дмитрий Александрович — главный редактор старейшего военного журнала.

Из старшин непререкаемым авторитетом пользовался бывалый подводник боцман Игорь Владимирович Моисеенко. Ему было уже за тридцать. Его стараниями и на лодке, и в жилых помещениях на берегу поддерживался подлинный флотский порядок. Мы, молодые, даже побаивались строгого боцмана.

Мой командир отделения электрик Николай Фотиков, в прошлом машинист врубовой машины на одной из шахт Донбасса, был работяга и мастер на все руки. В шторм он сильно укачивался, но вахту всегда стоял исправно, какой бы сильной ни была качка. Своей выдержкой он подавал хороший пример всем, кто хоть в какой-то степени был подвержен морской болезни.

Рулевой Николай Раев, достойный помощник боц-

мана Моисеенко, белокурый помор-архангелец, с детства подружился с морем. Он до военной службы плавал матросом на ледоколе «Таймыр». Несмотря на четыре класса образования, был развитым, грамотным человеком и отличным моряком.

Чудесным товарищем был трюмный машинист Павел Перевозчиков, в прошлом вятский крестьянин, исключительно трудолюбивый и старательный. Оставшись впоследствии на сверхсрочную службу, перед войной уехал в Ленинград учиться на механика. Последующие события оторвали его от учебы. В годы войны Павел плывал на балтийских лодках и не отличался в боях. Высокую оценку служебной деятельности Павла Петровича дает в своей книге «Всем смертям назло» известный балтийский подводник Герой Советского Союза И. В. Травкин, командовавший подводной лодкой «К-52», на которой Перевозчиков был старшиной группы трюмных. С гордостью за своего старого сослуживца прочитал я то место в книге, где изображен Павел Петрович — чуткий товарищ и неутомимый работник.

Итак, я на подводной лодке. В первом походе я волновался, наверное, больше всех. На деле оказалось все очень просто. Меня назначили рабочим по камбузу, и в хлопотах у плиты я чуть не прозевал погружение лодки. Весь поход протекал очень спокойно.

С помощью командира отделения Фотикова и других опытных специалистов я быстро освоился со своими обязанностями, сдал инженер-механику зачет и был назначен штатным электриком на боевой пост, расположенный во втором отсеке.

С каждым выходом совершенствовалась выучка подводников. К июню 1937 года наша лодка отработала все учебные задачи и направилась в далекий и длительный поход. Когда выходили из базы, догорал закат, ярко вызолотивший легкие пушинки облаков. Море было спокойным. Но океан всегда полон неожиданностей. Не прошли мы и полсотни миль, как сильный, порывистый ветер погнал лохматые тучи и быстро развел волну. Шторм крепчал с каждой минутой и к утру достиг силы урагана.

Хмурый рассвет озарил вздыбленное море. Огромные свинцово-зеленые волны закрывали горизонт, и,

когда лодка проваливалась между ними, на мостике становилось темно, как в глубоком овраге. Скорость хода пришлось снизить до минимума, чтобы не разбить дизель, когда обнажались винты.

Вахтенные в отсеках лодки, бледные от качки, балансируют на скользкой крепящейся палубе. Остальные предпочитают находиться в горизонтальном положении. На койке так хорошо, что и не вставал бы, но неистовая качка не дает спать: боишься слететь вниз.

Около камбуза — ни души. Рабочий по камбузу вскипятил чай и приготовил утренний завтрак, но аппетита пока ни у кого нет.

На мостике — ни одного курильщика. В шторм пропадает всякая охота курить. На мостике под свирепыми порывами холодного ветра, закутанные в кожаные регланы, с широкополыми зюйдвестками на головах, стоят трое: командир лодки А. Т. Чабаненко, вахтенный командир Д. А. Вершинин и командир отделения рулевых-сигнальщиков Николай Раев.

Лодка, падая с пенистой кручи, зарывается носом по самую рубку. На мостике вырастают фонтаны, бьющие из шпигатов настила. Вода обдаёт людей и сверху и снизу, льется в открытый рубочный люк; падая с высоты, струи ее с шумом разбиваются о палубу центрального поста. Растрепанные остатки волны бешено проносятся к корме, попадают под струю выхлопных газов от дизеля и мелкой пылью разлетаются в стороны.

Сигнальщик, то и дело вскидывая к глазам бинокль, вглядывается в разъяренное море. Отекло лицо, исхлестанное ветром и солеными брызгами, одежда давно промокла, неприятно липнет к телу. Удерживаться на возвышении над козырьком рубки нелегко, от напряжения ноют руки и ноги. Но Раев ни на секунду не ослабляет внимания и воспаленными от брызг и ветра глазами зорко всматривается в море.

Среди волн на мгновение появилось черное пятнышко. Оно не ускользнуло от глаз сигнальщика. Вот оно появляется вновь. Так и есть, впереди небольшое судно, которое, по-видимому, не может справиться со штормом.

— Прямо по курсу кунгас, — перекрывая рев ветра, доложил Раев.

Командир приказывает рулевому изменить курс. Он и помощник вскидывают бинокли и молча рассматривают угловое рыбацье суденышко. Судя по всему, кунгас терпит бедствие: не видно дымка из выхлопной трубы, двигатель стоит, мачта сломана. Судно глубоко сидит, еле держится на поверхности моря. На палубе пять закоченевших и измученных рыбаков, судорожно вцепившихся руками в борт. Наверное, уже потеряли надежду на спасение.

— Надо помочь, — решает командир.

Но как подойти к маленькому суденышку в такой шторм? Деревянный кунгас немедленно разобьет о стальные борта лодки.

— Стоп дизель!

Лодка ложится в дрейф. Кунгас пляшет на волнах всего в десятке метров от нее.

— Надо взять его на буксир, — говорит командир. — Пошлем на корму добровольца. Пусть попробует подать им буксирный трос.

— Разрешите мне, товарищ командир, — просит Раев.

Командир на минуту задумывается. Он верит в ловкость и мастерство Раева, знает, что внук и сын помора не отступит перед штормом.

— Добро! — соглашается командир. Снизу вызывается другой сигнальщик. Раев передает ему вахту, сам спешит в центральный пост. С помощью товарищей надевает резиновый водонепроницаемый комбинезон и снова поднимается на мостик. Рядом с ним — рулевой Алексей Ковалев и штурманский электрик Клавдий Козлов, самые сильные наши ребята. Они будут держать страхующие концы, чтобы Раева не смыло за борт.

Николай спустился с мостика на палубу и тут же лег ничком — налетела огромная волна. Когда вода схлынула, Раев пополз. То и дело ему приходилось останавливаться и прижиматься к палубе, когда на корабль обрушивался очередной вал. Наконец он добрался до решетчатой дверцы, под которой находится вышка с тросом. Теперь надо отдраить барашки и поднять лист. Он делает это лежа, прижимаясь подбородком к палубе. Ковалев и Козлов внимательно сле-

дят за ним, не выпуская из рук концов страхующих тросов.

Открыв решетку, Раев находит бросательный конец, разбирает его и, выбрав удачный момент, кидает на кунгас. Окоченевшие рыбаки не смогли вовремя схватить тонкий трос. Приходится начинать все сначала. И только после нескольких бесплодных попыток веревка оказывается в руках рыбаков. С ее помощью они перетягивают на кунгас конец швартового троса. Взмахом руки дают знать, что трос закреплен.

Раев с трудом возвращается на мостик.

— Молодец! — говорит командир и обнимает храбреца.

Рулевой спускается к нам вниз. Мы его подхватываем, тискаем радостно, помогаем освободиться от гидрокомбинезона, в который успело натечь немало воды, одеваем в сухую одежду и устраиваем в самое теплое место. Грейся, друг, отдыхай!

А шторм все свирепствует. Вот тебе и Тихий океан! В насмешку, что ли, его так называли?

Несколько часов лодка буксировала кунгас по штормовому морю. Показался берег. Входим в залив Америка, названный так в честь русского парусного судна «Америка», укрывшегося здесь от шторма еще в прошлом столетии. Здесь русские моряки нашли хорошее убежище в чудесной бухте, которую они называли Находкой. Чем дальше продвигаемся в залив, тем слабее шторм. Вот и совсем стихло. Зеленые берега все ближе. А за поворотом открылась такая гладь — просто не верится, что где-то бушует шторм...

Посреди зеркальной бухты Находка лодка становится на якорь, спасенный кунгас подтягиваем к борту. Рыбаков накормили, дали спирта обогреться. Спасенные горячо благодарят подводников.

Вызванный нашим семафором, к лодке спешит другой кунгас. Он берет на буксир пострадавшее судно и ведет его к берегу, на рыболовецкую базу. Рыбаки долго машут нам руками.

А мы снова выходим в ревущее море и продолжаем дальний и очень трудный путь. Через несколько дней почти все моряки привыкли к качке. Кончились свежие продукты. Питаемся консервами и сухарями. Мучаемся с топливом. Чтобы его хватило подольше,

мы загрузили соляр в балластные цистерны, не приспособленные для этой цели, и в качку топливо перемешивается с водой, дизели чихают и останавливаются.

Страдают курильщики. Все запаслись махоркой и спичками, а о бумаге не позаботились. Газеты все искурили, в ход пошли лишние служебные журналы с бумагой такой толстой и плотной, что дым от нее ест глаза даже на чистом воздухе.

Побывали на Сахалине. Татарским проливом вышли в Охотское море, достигли самой южной оконечности Камчатки — мыса Лопатка. Отсюда — в бухту Нагаева. Все время нас мотал шторм, но мы переносили его уже намного легче. Для свободных от вахты ежедневно устраивалось несколько киносеансов. У нас было семь узкоплечных немых фильмов, которые мы прокручивали на маленьком портативном аппарате. Такие кинопередвижки только появились на лодках. Нередко сеансы устраивались для трех-четырех человек. Вместо экрана — развернутый тетрадный лист. Нечего и говорить, что фильмы, которыми мы располагали, все вызубрили наизусть.

В молодом советском городе Магадане пополнили запасы свежей пищи, отдохнули. И снова потянулись походные дни.

На обратном пути увидели новые места: залив Де-Кастри с тремя прелестными островками посередине, Советскую Гавань, бухту Постовую.

Мы по-настоящему полюбили Дальний Восток, его чудесные бухты, голубые сопки и бескрайний простор океана. Все поняли: только в таких далеких, нелегких походах и можно стать настоящим моряком.

Вот почему когда мне через неделю предложили идти в поход на лодке «Щ-106», я с радостью согласился, хотя еще и не успел как следует отдохнуть после своего первого плавания.

У каждого моряка в памяти сохраняются забавные эпизоды, без которых не обходится наша морская служба. 22 февраля 1938 года, накануне двадцатилетия РККА, я заступил на вахту. Дежурный механик А. И. Якубенко на разводе заявил: «Сегодня вы узнаете, что такое праздничная вахта» — и пообещал закатить нам не менее сорока различных тревог. Для начала он распорядился навести идеальную чистоту на

пирсе вокруг лодок, и мы до наступления темноты убрали пирс до последней снежинки. Ночью почти не отдыхали, с минуты на минуту ожидая тревоги. Но ночь прошла тихо. А после обеда началось!

— Пожар на пирсе! — поступила вводная.

Мои товарищи командир отделения трюмных Иван Кабанов и моторист Константин Иванов бросились наверх, а я — в первый отсек — пускать помпу. Услышал стук, принял его за сигнал и не мешкая запустил насос. Работает он вовсю, а манометр — на нуле. Прибавляю и прибавляю давление. Потом заметил, что краник манометра перекрыт. Открыл его и ахнул — до девяти атмосфер доходит!

После отбоя тревоги мне крепко досталось. Оказывается, никто мне сигнала не подавал, и товарищам пришлось подключать шланг, когда из трубы уже била вода, а потом они с трудом справлялись с надувшимся от непомерного давления шлангом, который метался из стороны в сторону и чуть не сбросил их с узкой палубы лодки. В конце концов они выпустили его из рук и ледяной струей окатили А. И. Якубенко. Сразу вымокший насквозь, механик скомандовал отбой, так и не сделав нам никаких замечаний.

Запомнилось еще, как я ночью взялся отвезти на тузике — маленькой лодке — нашего комдива капитана 3 ранга Владимира Афанасьевича Касатонova на другую лодку. И выяснилось, что я почти совсем не умею грести. За несколько минут вымотался вконец, на руках мозоли натер. Командир дивизиона Касатонов улыбнулся и предложил мне отдохнуть.

— Спешить нам некуда...

Сам он не мог сесть за весла, так как у него была забинтована рука — недавно он сильно обжег ее.

Собрав все силы, я начал грести. Почти до утра мы блуждали в темноте, пока нашли лодку. Никогда еще я не был так измучен. Но эта ночь пошла на пользу: я не успокоился до тех пор, пока не научился грести как следует.

Во время вооруженного конфликта у озера Хасан наша лодка несла дозор у берегов захваченной японцами Кореи. Бои на Хасане закончились полным разгромом врага. Наши славные пограничники, принявшие на себя первый удар, и подошедшие регулярные

части Красной Армии дали хороший урок японским милитаристам.

А мы двенадцать дней находились в море. Как нам хотелось пустить торпеду по кораблям захватчиков, но они не появлялись. Мы страдали от жары. В нашем шестом отсеке температура доходила до шестидесяти градусов. Вахту несли в одних трусах, с мокрым полотенцем на шее. Ни к чему нельзя было прислониться — все металлическое в отсеке было раскалено. Мало помогал нам и переносный вентилятор, — казалось, он еще больше нагнетал зноя. Жара и жажда всех изнуляли, лишали аппетита и нормального сна.

Не знал я, что скоро нас ждет другое испытание — уже не жарой, а холодом.

В декабре Андрей Трофимович Чабаненко, ставший командиром дивизиона, предложил мне пойти на «зимовку» командиром отделения электриков на подводной лодке «Щ-114».

Всю зиму мы пробыли за кромкой льда в заливе Стрелок, где корабли дивизиона по очереди несли позиционную службу в суровом холодном море.

В первый же день пребывания на позиции произошел довольно неприятный казус. Когда лодка стала на якорь, трюмные начали осушать дифферентные цистерны и попутно выкачали за борт... почти весь запас пресной воды. Осталось ее чуть-чуть, только для пищевых целей. Поэтому целую неделю до прихода «Чукчи» — нашей плавучей базы — мы бедствовали, ругая при этом на все корки трюмных.

Став командиром отделения, я быстро убедился, как нелегко вчерашнему матросу быть начальником. Вчера я был наравне со всеми, а теперь должен приказывать своим друзьям, руководить ими, тем более на лодке, где редко удастся собрать моряков отделения вместе. Службу они несут в разных отсеках, находясь на боевых постах, подчиняются другим старшинам. Только во время ремонта мы работаем все сообща.

Трудно мне было найти нужный тон в разговоре с подчиненными. Забывал порой пословицу: дружба дружбой, а служба службой.

Как-то надо было разобрать электромотор трюмной помпы, чтобы восстановить изоляцию его обмоток.

Провозились весь день и не закончили. А утром выходим в море.

Мои подчиненные попили вечерний чай, потом отдыхали — один бренчал на гитаре, другой читал книгу. А мне показалось неудобным мешать им — ведь свободное время у людей. Они спокойно улеглись спать, а я пошел на лодку и всю ночь провозился с электромотором.

Потом матросы чувствовали себя неловко. И я тоже. Понимал: они жалеют меня. Но на жалости авторитета не построишь. Виктор Нищенко подошел ко мне и смущенно сказал:

— Вы построже к нам будьте...

Нашему матросу не нужны поблажки. Командирская строгость не претит ему, он знает, что без нее нельзя. Никогда еще матрос не обижался на высокую требовательность. И больше всего на свете не любит слабохарактерных командиров.

Сто восемь дней проплавали мы в условиях суровой дальневосточной зимы.

В ночь на 6 февраля 1939 года над Приморьем пронесся тайфун. Мы в это время отдыхали на «Чукче». Пришлось покинуть теплый кубрик и вернуться в холодные отсеки лодки. Ветер достиг силы урагана. Обычно всегда такой гладкий, залив был неузнаваем. Огромные волны сильно раскачивали ошвартованные у плавбазы лодки. Тросы натягивались, как струны. От трения металла о металл сыпались искры. Едва мы успели перейти на лодку, как носовые швартовы лопнули. Лодку моментально развернуло. Чтобы избежать поломок корпуса, обрубили топором кормовые швартовы.

Всю ночь ревел ураган, и всю ночь мы, подгребая электромоторами, пытались удержаться на месте и стать на якорь. Но якорное устройство покрылось глыбами льда, обколоть который не было возможности: всяк, кто осмелился бы показаться на верхней палубе, был бы смыт разъяренной волной. Только к утру, когда немного стихло, наконец-то был отдан якорь, и измученные, иззябшие люди швартовой команды смогли спуститься вниз — отдохнуть и обогреться.

Как нередко бывает на Дальнем Востоке, ветер так же быстро стих, как и начался, и часов в девять утра

нам разрешили выйти наверх покурить. О бушевавшем ночью урагане напоминали лишь крупная пологая зыбь, изрядно поредевший лес на недалеком острове и неузнаваемый вид лодки. Мостик ее с обеими пушками превратился в сплошную гору льда с чернеющей дырой верхнего рубочного люка, из которой, как из берлоги, поднимался пар. Толстыми ледяными трубами выглядели сильно провисшие антенны и леера, а леерные стойки под тяжестью льда согнулись в дугу. На носовой палубе были переломаны все полуклюзы и вырван один кнехт...

Перекурив, мы приступили к околке льда. Теперь он был совсем мягкий и хрупкий, разлетался от первого же удара. Веселый звон его кусков, падающих на железную палубу, звучал насмешкой: «А вы-то боялись...»

6 апреля мы возвратились в базу. Кругом зеленела трава, распускались почки на деревьях, а мы брели на базу непослушными ногами, в засаленных валенках и полушубках и не чаяли, как бы поскорее сбросить с себя зимний наряд...

1939 год на Дальнем Востоке был беспокойным. Японские милитаристы чинили авантюру за авантюрой. Тихоокеанскому флоту пришлось все время находиться в повышенной готовности. Корабли редко отставались в базах.

Наша лодка в мае ходила далеко на юг, в район Корейского пролива — там мы встречали наши тральщики, совершавшие переход с Черного моря. Все лето мы плавали, изредка заходя в живописные бухты залива Петра Великого.

Во второй половине августа после долгого плаванья в океане прошли в Амурский лиман, поднялись вверх по реке и бросили якорь на рейде Николаевскана-Амуре.

К нашему удивлению, несмотря на приближающуюся осень, вода в Амуре оказалась теплой. Очень хотелось искупаться в пресной воде, но пугало быстрое течение. Тогда с разрешения командира связали два бросательных конца. Один конец длинной тонкой веревки привязали к носовой пушке, а на втором

сделали петлю. Затянув эту петлю вокруг пояса, матрос прыгал с носа лодки, чтобы вынырнуть далеко за кормой. Перебирая руками по веревке, моряк подтягивался к кораблю, вылезал на палубу. Купание всем очень понравилось.

Пользуясь обилием пресной воды, трюмные пополнили ее запасы на корабле. В пятом отсеке во время зарядки аккумуляторной батареи была устроена настоящая баня со стиркой. Для этого работающие дизели накрыли брезентом, а в проходе укрепили душ, в который подавалась вода, подогретая в рубашках дизелей. Правда, баня получилась с ветерком — поток холодного воздуха летел к двигателям, но, помывшись, моряки переходили в шестой отсек, где было жарко. Они отогревались, сушили выстиранную одежду и сразу же надевали ее.

А потом опять просторы Охотского моря. В ста милях от Камчатского полуострова мы дрейфовали (на якорь встать было невозможно из-за больших глубин) восемнадцать суток, обеспечивая учения наших летчиков — поддерживали с ними радиосвязь, сообщали о погоде и состоянии моря.

И тут еще раз убедились, как важно все предусмотреть, отправляясь в длительное плавание. Наш фельдшер Коваленко, разбирая продукты, с ужасом обнаружил, что осталась всего единственная килограммовая пачка столовой соли. Пришлось срочно переходить на огуречный рассол. Неизменный рассольник, которым нас теперь потчевал кок, быстро всем осточертел. Бедный Коваленко не находил себе места от стыда.

Завершив многодневное плавание, «Щ-114» встала на ремонт. А я опять вернулся на свой корабль — подводную лодку «Щ-105», где и прослужил до увольнения в запас.

Все это я вспомнил, прощаясь с флотом после войны. Читатель поймет, как тяжело мне было расставаться с морем. Главное, я понимал, что нужен флоту. Именно сейчас особенно нужен, когда уходят с кораблей ветераны, а на их место идет молодежь, которую надо учить, воспитывать на традициях, как в свое время у нас самих воспитывали любовь к флоту, к

родному морю, к берегам его, где до сих пор высятся скромные памятники русским первооткрывателям и воинам.

В октябре 1945 года мы прибыли в Москву. На перроне Ярославского вокзала я увидел нашего Дмитрия Еремина. Он пришел встречать свою невесту, приехавшую вместе с нами и еще не успевшую снять краснофлотскую форму.

Живу дома. Осматриваю столицу, еще не оправившуюся после войны.

Во время одной из таких прогулок слышу, как кто-то называет мое имя. Естественно, ищу черную флотскую форму, оглядываюсь кругом, но не вижу ни одного моряка. Мне улыбается лейтенант-пехотинец. Ба! Да это же Виктор Евдокимов, мой старый сослуживец по учебному отряду и подводной лодке «Щ-105». Обнимаемся, целуемся, и Виктор тащит к себе домой — он живет неподалеку.

Рассказывает о своей судьбе. Мобилизованный в июле 1941 года, он попал на Тихоокеанский флот, а потом в сухопутное училище: фронту нужны были командиры. Бывший моряк становится пехотным офицером. Но до фронта так и не довелось дойти — командовал подразделением в далеком тылу. Сейчас служит под Москвой.

Много лет спустя, в феврале 1962 года, я увидел телевизионную передачу «Счастье моей семьи», посвященную предстоящим выборам в Верховный Совет СССР. Голубой экран показал новую квартиру Евдокимовых, Виктора Дмитриевича в кругу его близких. Очень меня обрадовала эта заочная встреча с товарищем флотской молодости. Я снова разыскал его. Он уволился в запас и трудится теперь на автозаводе имени Лихачева, где работал до военной службы. Дом, где жили Евдокимовы в Ленинской слободе, давно снесен, и они всей большой семьей живут в новом районе Москвы, на Ленинском проспекте...

А я так и не усидел на суше. Еду к морю. Нанимаюсь электриком на кораблестроительный завод. Опять работаю на подводной лодке — она еще достраивается.

Команда лодки — зеленые юнцы. И мне приходится быть не столько рабочим, сколько инструктором.

Начались ходовые испытания. Без неожиданностей они редко обходятся. При глубоководном погружении в центральном посту раздался треск, с подволока со свистом вырвалась струя воды и ударила прямо в распределительную электрическую станцию. Та вспыхнула голубым пламенем. Вахтенный электрик хотел разомкнуть рубильник, но едва прикоснулся к мокрой рукоятке, как от удара тока отлетел к противоположному борту.

Прибегаю в центральный пост, спрашиваю электрика, обесточил ли он станцию. Матрос смотрит на меня ошалело и ничего путного сказать не может. Тем временем продули балласт, лодка стала всплывать, струя обмякла, а затем и совсем иссякла.

Прохожу во второй отсек, открываю автоматную будку. Плавкие вставки, через которые получает энергию станция центрального поста, на месте. Значит, она еще под напряжением. Зажмуриваюсь и выдергиваю сначала один, а за ним и второй разъединители. Теперь станция обесточена. Остается удалить с нее соль. Беру мешок с дистиллированной водой и сверху поливаю щит с обеих сторон. Через некоторое время станция обсохла, и мы ее снова включили.

Вода в отсек поступала через лопнувшую прокладку забортного клапана. Щель-то пустяковая, но под большим давлением вода бьет со страшной силой. Я это уже испытал на Севере. Там бывало хуже: нельзя было всплывать. В мирных условиях все значительно проще — продул балласт, и течь сама прекратилась. Но для молодых матросов и этот случай — большая наука.

Сдали лодку. Ей предстоит переход на Север, и подводники зовут меня с собой. Отшучиваюсь: я только недавно уехал оттуда, дайте насладиться теплом. А у самого кошки на сердце скребут. С какой бы радостью я отправился с лодкой!

Нет, не могу я больше оставаться на кораблестроительном заводе. Чем смотреть на море с берега, лучше совсем его не видеть. Забираю семью, еду в Саратов, потом на Украину. В Киеве увидел моего одноклассника и хорошего друга еще по Дальнему Востоку Юрия

Клопотюка. Он в кителе с погонами мичмана — продолжает сверхсрочную службу в Черноморском учебном отряде. Войну Юрий провел на Черноморском флоте, плавал старшиной группы электриков на «малютке», побывал во многих подводных передрыгах, постарел, но так и остался добродушным здоровяком, каким был на заре нашей совместной службы.

Никак не усидеть мне на одном месте, хотя и сердится жена: надоело ей мотаться по белу свету.

Побывал я в подмосковном городе Воскресенске. И вдруг узнаю, что первым секретарем городского комитета комсомола работает здесь наш боевой комсомольский вожак Аркадий Комков. С Аркадием мне и позднее приходилось встречаться. После Воскресенска он работал в Центральном Комитете ВЛКСМ. Его неутомимая деятельность была отмечена правительством: в тридцатилетие комсомола к боевым орденам Аркадия прибавился трудовой орден «Знак Почета». Ныне Аркадий Михайлович — партийный работник одного из министерств.

Разыскал я и другого своего боевого товарища — электрика А. В. Мозолькова. Ануфрий Васильевич живет теперь в подмосковном поселке Малаховка, обзавелся семьей и вот уже более десяти лет работает на заводе «Москабель», где, так же как и на лодке, безупречно выполняет обязанности электрика.

А я так и не мог найти себе места на суше. Даже самая хорошая и интересная работа не устраивала. Бредил морем. В Москве на улице Горького сталкиваюсь с морским офицером. Глазам не верю: Сергей Сергеевич Саваренский, наш инженер-механик! Узнав о моих скитаниях и муках, он решительно рубит воздух ребром ладони:

— Возвращайся на флот!

Скоро я получаю письмо. Григорий Максимович Васильев, наш командир, приглашает меня служить на лодку. Немедленно отсылаю рапорт с просьбой зачислить меня на сверхсрочную службу и начинаю укладывать чемодан.

И опять я на Севере! Прохожу мимо пирсов. Стоят возле них подводные лодки. Старых уже мало осталось. Новые появились — красивые, стройные, могучие. Представляюсь командиру. Капитан 2 ранга

Г. М. Васильев сейчас уже не на «С-104». Он командует большой новой лодкой. Знакомит меня с кораблем, с его людьми. Незнакомые лица, а чувствую себя как дома.

В соединении служит много ветеранов. В тот же день встречаюсь с бывшим нашим парторгом (ныне инструктором водолазного дела) Андреем Климовичем Ереминым, боцманом мичманом Дмитрием Васильевичем Васильевым, старшиной группы трюмных главным старшиной Константином Симухиным, командиром отделения комендоров старшиной 1-й статьи Павлом Давиденко.

И снова походы. Перед глазами проходят угрюмые берега, отвесные скалы. Мы много раз во время войны проходили эти места, но я их вижу впервые, потому что всегда находился внизу, на своем боевом посту. Теперь нам разрешают подниматься на верхнюю палубу. И это правильно: пусть молодые моряки видят берега, которые им доверено защищать!

Во время стоянок собираю молодежь на палубе, завожу разговор о войне, о подвигах, совершенных советскими моряками в тех самых местах, где мы сейчас плаваем. Кое-кто из молодых порой жалуется: тяжело, нагрузка большая на тренировках и учениях. Я рассказываю морякам о том, как нам доставалось в боевых походах, как высокая выучка, выносливость, терпение помогали подводникам одерживать победы.

Слушают меня матросы. Вижу, на пользу идет разговор. Все чаще собираемся мы в кружок. Прослышали о моих беседах в политотделе. Стали на другие лодки приглашать. Трудно отлучаться с корабля — ведь служебных забот у меня не убавилось, но понимаю, что надо выступать перед молодежью. Редкий вечер теперь у меня выдавался свободным.

Вышел как-то с нами в море вице-адмирал А. Т. Чабаненко, только что вступивший в командование Северным флотом. Увидел меня, усадил с собой рядом. Вспоминали о Тихом океане, о далеких походах. Андрей Трофимович сказал:

— Слышал я про ваши беседы с молодежью. Хорошее дело. Вы знаете, ветераны высказывают желание создать в соединении комнату боевой славы, не-

что вроде небольшого музея, где были бы собраны реликвии, связанные с делами подводников. Думаю, что вам следует принять самое горячее участие в этом деле.

Я уже знал об этой идее. Она понравилась всем старым подводникам. Командование выделило помещение. Скоро здесь были собраны ценнейшие материалы: фотографии, документы, предметы, напоминающие о том или ином интересном событии. Экскурсоводами были бывалые моряки, такие, как офицер Павел Сергеевич Горбунов, мичманы Иван Нестерович Ревенко, Василий Николаевич Букин и другие товарищи. Часто эта роль выпадала и мне.

В короткий срок комната боевой славы получила широкую известность, стала своеобразным центром воспитательной работы. Здесь вручали членские билеты принятым в комсомол молодым матросам. Политработники лодок охотно проводили здесь политические занятия. Дорогу в наш маленький музей нашли моряки и солдаты гарнизона, курсанты военно-морских училищ, проходящие у нас практику. Побывали здесь шефы — комсомольцы Москвы и Московской области. Постоянные гости — школьники приморских городов.

Листаю книгу отзывов. Сколько волнующих записей! Молодые подводники, познакомившись с боевыми делами своих предшественников, дают слово, что будут служить Родине так, как служили их старшие братья, будут бережно хранить и умножать славные традиции флота.

Постоянно расширяя экспозицию, мы все больше стендов посвящаем сегодняшним делам подводников, отличным кораблям и подразделениям, передовикам учебы, рационализаторам. Все чаще заглядывают к нам не только подводники, но и моряки надводных кораблей, авиаторы, береговые артиллеристы. Активисты комнаты боевой славы приглашаются во многие части.

Заинтересовалась нашей работой Мурманская студия телевидения. Она организовала несколько передач из нашего скромного музея. Мне тоже довелось выступать перед телевизионной камерой.

Умело поставленная пропаганда боевых традиций — большое дело, которое приносит ощутимые ре-

зультаты. Мне, старшине, это особенно видно. На глазах меняется молодежь, серьезнее начинает относиться к боевой учебе, повышается гордость за профессию подводника.

Радостно от этого на сердце. И потому все больше сердечного тепла вкладывают ветераны флота в свою воспитательную работу. А ветеранов много у нас. С кем мне только не довелось увидеться на Севере! Приезжал сюда наш бывший командир капитан 1 ранга Василий Андрианович Тураев, да не один, а с сыном Никитой, который уже тоже офицер — старший инженер-лейтенант. С курсантами высшего военно-морского училища бывает на лодках преподаватель капитан 2 ранга Степан Степанович Калибров, наш бывший старпом. Встретил я здесь и нашего ученика юного севастопольца Мишу Сазонникова. Теперь это рослый красивый моряк с погонами капитан-лейтенанта, заместитель командира подводной лодки по политической части.

Это уважаемые люди на флоте, живые носители его лучших традиций. Боевой опыт, боевые традиции — это тоже оружие. И нужно, чтобы молодежь принимала это оружие из рук ветеранов, берегла и совершенствовала его, чтобы потом как боевую эстафету передать новым поколениям моряков.

Все мои сослуживцы плодотворно трудятся там, где они нужнее Родине. Прекрасную школу жизни прошли они. Характер, выработанный и закаленный в трудных походах, в борьбе с опасностями, — крепкий характер, обладатель его не свернет с дороги.

Нам уже за пятьдесят. По состоянию здоровья, да — что скрывать! — и по возрасту мне пришлось расстаться с подводными лодками, с флотом. Но, несмотря на годы, в душе мы остаемся подводниками. Вот почему испытываешь такое счастье, когда видишь, что дело наше продолжает молодое поколение моряков. На новых могучих подводных кораблях, оснащенных современным оружием, наша молодая смена с честью несет боевую вахту и достойно хранит славу советского Военно-морского флага.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Глава первая. <i>Три поросенка</i>	3
Глава вторая. <i>Дорога длиной в три года</i>	18
Глава третья. <i>Карское море</i>	44
Глава четвертая. <i>Новые победы</i>	55
Глава пятая. <i>Боевая эстафета</i>	70

*Военное издательство
просит читателей
присылать отзывы
об этой книге
по адресу: Москва, К-160.*

Лев Александрович Власов

В ОТСЕКАХ ТИШИНА

М., Воениздат, 1964 г. 96 стр.

Редактор *Милютин В. И.*

Художественный редактор *Голикова А. М.*

Художник *Васильев В. В.*

Технический редактор *Кригазина А. М.* Корректор *Романова М. В.*

Сдано в набор 30.3.64 г. Г-13212 Подписано к печати 26.5.64 г.

Формат бумаги 84×108¹/₁₆—3 печ. л.—4,92 усл. печ. л.+1 вклейка—¹/₁₆ печ. л.—
0,103 усл. печ. л.—4,785 уч.-изд. л.

Изд. № 3/5802 Тираж 65000 ТП 64 г. № 104 Цена 25 коп. Зак. 176

1-я типография

Военного издательства Министерства обороны СССР
Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

В серии «ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ» вышли из печати следующие книги:

Генерал-полковник А. Т. СТУЧЕНКО. **Завидная наша судьба**

М. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. **Вся власть Советам!** (Издание четвертое)

Контр-адмирал А. М. ГУЩИН. **Курс, проложенный огнем**

Контр-адмирал И. А. КОЛЫШКИН. **В глубинах полярных морей**

Генерал-лейтенант инженерно-технической службы
В. Г. ФЕДОРОВ. **В поисках оружия**

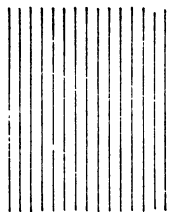
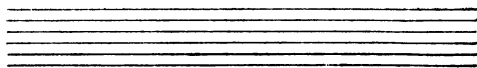
Генерал-майор В. Г. ГУЛЯЕВ. **Человек в броне**

Генерал-майор инженерно-технической службы Ф. И. ГАЛКИН. **Танки возвращаются в бой**

Полковник Ф. М. ПОНОЧЕВНЫЙ. **На краю земли советской**

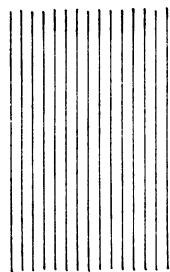
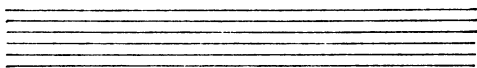
М. И. ДЕМЧЕНКО. **Шестой повстанческий**

КНИГИ

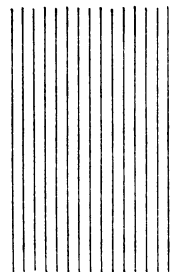
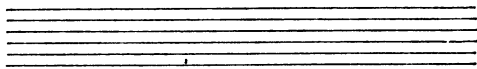
ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
продаются в магазинах
„ВОЕННАЯ КНИГА“,
в книжных киосках
и библиотечных коллекторах
Управлений торговли
военных округов и флотов.

КНИГИ

ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА,
находящиеся еще в печати,
можно заказать в магазинах
„ВОЕННАЯ КНИГА“
предварительно.
О поступлении книг
в продажу
Вы будете извещены
по домашнему адресу.

КНИГИ

ВОЕННОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА
можно приобрести
также по почте
наложенным платежом,
по домашнему адресу,
направив заказ отделу
„ВОЕННАЯ КНИГА — ПОЧТОЙ“
окружного магазина
„ВОЕННАЯ КНИГА“.

Цена 25 коп.